

на грани:

роман-исповедь

ЛИЗА
СКОТТОЛИНЕ

ЖЕЛАННОЕ ДИТЯ

Больше всего на свете она мечтала о ребенке

18+

Annotation

Кристина и ее муж Маркус мечтают завести ребенка, но все их попытки оказываются безрезультатными. После многочисленных встреч со специалистами, бесконечных анализов и бессчетных разговоров они принимают решение искать донора.

Проходит два месяца, Кристина счастливо беременна. Но однажды в новостях сообщают об аресте молодого светловолосого человека, совершившего серию жестоких убийств. Мужчина имеет пугающее сходство с ее донором.

В попытках узнать правду Кристина сталкивается со своими самыми большими страхами. Захватывающий и стремительный роман «Желанное дитя» ставит перед читателем этическую и моральную дилемму: что бы вы сделали, если бы биологическим отцом вашего еще не родившегося ребенка оказался серийный убийца?

Лиза Скоттолине

Желанное дитя

Lisa Scottoline
The Most Wanted

© 2016 by Smart Blonde, LLC
© Тогобецкая М. В., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Моей замечательной дочери Франческе

«Колыбель качается над бездной...»

Владимир Набоков, «Другие берега»

Кристина Нилссон подходила к закрытой двери с радостным нетерпением. Она знала, что там, за дверью учительской, ее ждут все коллеги, готовые встретить ее громким «сюрприиииз!» – вероятно, они все после звонка с урока прибежали сюда из своих классов, пока директор вызвала ее для «короткой беседы», хотя в школе Натмег Хилл это вообще-то не было заведено. Так мило с их стороны – устроить для нее эту прощальную вечеринку, особенно учитывая, что идет последняя школьная неделя, когда все жутко загружены. Она чувствовала ко всем огромную благодарность и любовь – почти ко всем, кроме разве что Мелиссы Ру, этой мисс Трепло.

Кристина подошла к двери и натянула на лицо широкую улыбку, но затем остановилась, не сразу взявшись за ручку. Она умела изображать энтузиазм весьма искусно, но сейчас этого делать не стоило: ее друзья могли отличить Энтузиазм Учителя от Реального Энтузиазма, а ей не хотелось притворяться. Ей хотелось наслаждаться каждой минутой этой вечеринки, которая знаменовала окончание ее учительской карьеры – по крайней мере на сегодняшний день. Наконец-то ей удалось забеременеть, и она собиралась сидеть дома с ребенком и смаковать свой новый статус Мамочки, эмигрировав в Соединенные Штаты Родителей. Когда беременность подтвердилась – ее затопило гормональной волной счастья (плюс остаточные явления от приема «Кломида»^[1]).

Для кого-то забеременеть – это раз плюнуть, но для Кристины и ее мужа Маркуса это обернулось тремя годами мучений. Слава Богу, теперь все было позади – и Кристина без конца рисовала в своем воображении картины детской, разглядывала коляски и вообще была поглощена будущим материнством. Она читала детские книги и все время представляла себе своего малыша – какой он сейчас, на сроке два месяца беременности, ее самая невероятная и прекрасная скрюченная креветочка на свете. Она даже не смогла дождаться, когда у нее появится животик, и начала носить довольно уродливую одежду для беременных уже сейчас.

На лице ее появилась уже настоящая улыбка – и она знала, что эта улыбка останется на ее лице на все время вечеринки, а может быть – вообще навсегда.

Она открыла дверь.

– Сюрпри-и-и-и-и-и-з! – Раздался оглушительный вопль.

В учительской собрались все коллеги Кристины – женщины-учительницы: улыбки до ушей, ноль макияжа, «конские хвосты» на головах. Мужчин было всего двое: Джим Паулсен, учитель физкультуры, такой длинный и худой, что его прозвали Джим Палкин, и Ал Майроз, который вел математику в шестом классе и так много всего знал, что его называли ВсезнАл. На столах стояли мисочки с солеными крендельками и чипсами, высились стопки бумажных тарелок, одноразовых стаканчиков и литровые бутылки диетической колы. В воздухе витал дурманный аромат свежемолотого кофе, а на доске для объявлений красовалась надпись: «Больше учеников радуются окончанию учебного года только учителя!» Под этой надписью кто-то подписал: **«Бегите отсюда!»**

Все бросились обнимать Кристину.

Народу в небольшое помещение набилось немало. В учительской стояли несколько столов и стульев «под дерево», выдавшая виды подаренная кем-то кофеварка, старая микроволновка; и висел новейшей модели навороченный телевизор, показывавший новости кабельного ТВ с выключенным звуком. Этот телевизор они выиграли – это был

утешительный приз в конкурсе, где главным призом была переделка учительской, и они, несомненно, должны были получить главный приз! Будь проклята эта школа Данстен!

– Огромное спасибо вам всем! – произнесла Кристина, тронутая до глубины души их искренностью и добротой. Она вдруг поняла, как сильно ей будет их не хватать – ведь она работала в Натмег Хилл уже восемь лет специалистом по чтению в Учебной Службе Поддержки, помогая ученикам, которые испытывали трудности с чтением. Ее друзья-коллеги очень поддерживали ее все это время, пока она безуспешно пыталась забеременеть – они были в курсе всех ее проблем до мелочей, и им хватало мудрости и терпения не реагировать на нервные срывы с ее стороны, вызванные приемом «Пергонала», и с пониманием относиться к ее постоянным отлучкам к докторам. Кристина была благодарна им всем – кроме Мелиссы Ру, которая подглядывала за ней в женском туалете и разболтала всем о беременности. Теперь все знали, что одна из попыток Кристины забеременеть увенчалась успехом – но только самая лучшая подруга Кристины, Лорен Вайнгартен, знала всю правду целиком.

– Девочка моя! – Лорен, одетая в свободную белую рубашку и укороченные черные брючки, заключила Кристину в свои могучие объятия, пахнущие фломастерами с фруктовыми отдушками. Лорен была в школе академическим тренером и преподавала те дисциплины, которые не входили в список обязательных (Общий Список, который между собой все называли «Общий Враг»). Мощная харизма Лорен сделала ее самой популярной личностью на факультете: она была «королевой» социальной сети Pinterest, «двигателем» языкового лагеря «Education camp» и местным «кроликом-энерджайзером» – и все это несмотря на то, что руки ее вечно были покрыты следами от фломастеров, словно свежими ранами.

– Спасибо тебе большое, милая! – смогла произнести Кристина, когда Лорен наконец выпустила ее из своих объятий.

– Но ты честно удивлена? – Лорен недоверчиво прищурила темно-карие глаза. Она пыталась выглядеть строго, но не выдержала и расхохоталась, потому что любила смеяться. Ее темные волосы были убраны назад, в хвост, и, завиваясь колечками, опускались ей на спину.

– Абсолютно! – с улыбкой ответила Кристина.

– Да конечно, – фыркнула Лорен, скривив полные губы в усмешке, и тут раздался стук в дверь.

– А это что?! – спросила Кристина, поворачиваясь к двери.

– Ага! А вот теперь ты действительно удивишься! – Лорен пересекла комнату и распахнула дверь с торжествующим воплем: – Та-дам!

– Привет всем!

Под общие аплодисменты и смех в комнату вошел Маркус, муж Кристины – он машинально пригнулся, проходя через дверь, хотя нужды в этом не было: просто в нем было больше шести футов роста и двести пятнадцать фунтов веса, когда-то в колледже он был питчером. Видимо, он примчался сюда прямо из аэропорта, потому что был все еще в своем светло-сером костюме, хотя галстук все-таки успел ослабить.

– Малыш! – рассмеялась восторженно Кристина.

– Сюрпри-и-из! – Маркус заключил Кристину в объятия, обхватив сильными руками и чуть приподняв над землей, и Кристина зарылась лицом в его рубашку, слегка помятую, но все еще пахнущую крахмалом.

– А я думала, ты в Райли!

– В этом и вся суть. – Маркус отпустил ее, внимательно посмотрев ей в глаза. – Вообще это все твой босс. Я просто делаю, что мне говорят.

– Что ж, спасибо. – Кристина ответила ему улыбкой. Она поняла то, что он хотел сказать ей между строк: эта вечеринка была идеей директора, и он сам не возражал против этого.

Кристина повернулась к Пэм, которая выступила, держа в руках плоскую коробку.

– Мы будем скучать по тебе, Кристина, но ребенок – это единственная причина, по которой мы готовы тебя отпустить. – Пэм поставила коробку на стол. – Я заказала это в кондитерской рядом с моим домом. Для такого случая не годится торт из магазина.

– О, как это мило. – Кристина приблизилась к столу, за ней последовали Маркус и все остальные. Она откинула крышку – внутри был торт, облитый светлой глазурью с фиолетовой надписью: «До свидания и удачи, Кристина!» Под надписью был нарисован традиционный аист в шляпе, несущий в подгузнике младенца.

– Ну, это уже чересчур мило! – улыбнулась Кристина, чувствуя, как напрягся у нее за спиной Маркус. Она понимала, что ему нелегко сейчас, но он изо всех сил старался сохранять невозмутимое лицо.

Пэм обвела встревоженным взглядом Кристину и Маркуса:

– Аист ведь нормально, да? Я понимаю, сегодня не вечеринка в честь рождения ребенка, но... я не могла устоять.

– Ну разумеется, все в порядке, – ответила Кристина за них обоих.

Пэм с облегчением улыбнулась.

– Отлично! – Она обратилась к Маркусу: – Маркус, ну что, кого ты хочешь – мальчика или девочку?

– Я хочу «кадиллак», – пошутил Маркус, и все рассмеялись.

Лорен протянула Кристине нож.

– Кристина, окажешь нам честь?

– Подставляйте тарелки, ребята! – Кристина начала резать торт на кусочки.

– Может быть, кто-нибудь скажет тост? – предложила из толпы Мелисса. – Маркус, может быть, ты?

– Что ж, хорошо, конечно. Да, я скажу тост. – Маркус улыбался, его голубые глаза сияли, но Кристина знала, что он чувствует на самом деле.

– Давай, милый! – сказала она, чтобы его подбодрить. – Меня они уже достаточно слушали.

Лорен фыркнула:

– Да уж, это точно.

Все захихикали, держа тарелки и глядя на Маркуса в ожидании. Они не были близко знакомы с ним – меньше, чем с другими мужьями в этой компании, потому что он много путешествовал, и Кристина готова была поклясться, что он вызывает у них огромный интерес и любопытство. Лорен как-то пошутила, что муж Кристины – альфа-самец факультета: Маркус был инженером-строителем, владельцем собственной фирмы в Хартфорде и по сравнению с мужьями других учительниц, в массе своей тоже преподавателей, более успешным и обеспеченным человеком. Как известно, расхожая шутка гласит: прожиточный минимум можно получить, если сложить зарплаты двух учителей. Правда, Лорен перестала шутить по поводу альфа-самца, когда выяснилось, что Маркус совершенно бесплоден.

У него диагностировали азоосперию – если переводить это на нормальный язык, то это значит, что у него просто не было сперматозоидов. Это был шок – после того как они целый год безуспешно пытались зачать ребенка и гинеколог Кристины направил их к доктору Давидоу, специалисту по эндокринологии. Кристина, конечно, считала, что проблема в ней: ей тридцать три года, ее цикл никогда не был слишком регулярным, но обследование показало, что она совершенно здорова. Доктор Давидоу, тщательно подбирая слова, сообщил им, что мужское бесплодие – это «общая проблема пары» и что в этом нет «ничьей вины» – ни мужа, ни жены.

Но Маркус, конечно, воспринял диагноз как вызов своему эго, своей мужественности – впрочем, для них обоих стало полнейшей неожиданностью, что привлекательный, мужественный, породистый американец может быть совершенно бесплодным. Маркус занялся решением проблемы со свойственной ему решимостью: он поглощал в немыслимых количествах капусту, чтобы при помощи витамина А стимулировать выработку спермы, не употреблял алкоголь, не ездил на велосипеде, не носил тесных трусов и не пользовался джакузи – последнее не только потому, что это считается вредным для мужской силы, но и потому что у него это вызывало отвращение. Он даже прошел через процедуру TESA – унижительную и неприятную, во время которой доктор Давидоу пытался выудить прямо из его яичек хотя бы несколько живых сперматозоидов – но все безуспешно.

– Неужели я действительно совершенно пуст? – спрашивал Маркус, не в силах поверить в это.

Они ходили на терапию к Мишель Ле Гран, психологу, к которой их направили из клиники репродукции «Начало Семьи», и она убеждала их, что ключевым словом для них является слово «принятие». Кристине и Маркусу пришлось принять тот факт, что у них есть только один выбор: усыновление или использование донорской спермы. Кристина не возражала против усыновления, потому что в этом случае Маркус не чувствовал бы себя таким обделенным – Мишель объяснила им, что такое часто случается с мужчинами, которые не могут «оставить наследника». Но Маркус понимал, что Кристина хотела бы испытать опыт беременности, и на одном из сеансов он сказал, что хотел бы иметь «хотя бы наполовину нашего ребенка». Мишель считала, что это не лучший способ решения проблемы, но на самом деле он был лучшим. Как-то после очередного долгого сеанса и слез они сидели вечером за кухонным столом и ужинали китайской едой. Маркус посмотрел перед собой и опустил палочки:

– Я принял решение. Я думаю, нам нужен донор.

– Ты уверен? – Кристина постаралась скрыть свои чувства. На самом деле она именно этого и хотела, но не хотела давить на него.

– Да. Мы уже все испробовали.

Маркус положил палочки на стол, отодвинул тарелку и придвинул к себе стоящий на столе лэптоп.

– Давай-ка поищем нашему ребенку отца.

– Не отца – донора.

– Неважно. Давай сделаем это. Сделаем ребенка.

Они зарегистрировались на сайте доноров спермы, где были профили доноров онлайн, так что можно было выбирать донора самому. Поначалу оба – и Кристина, и Маркус – чувствовали себя неловко, как будто делали что-то непристойное или пришли в магазин для взрослых. Они хотели найти донора той же расы, фенотипа, физических данных, чтобы

ребенок был похож на них обоих. Маркус был блондином с квадратным лицом, широкой грудью, тяжелыми костями и сильной челюстью – его родители были выходцами из Швеции. Кристина же была субтильной, чуть выше пяти футов, лицо у нее было овальное, косточки тоненькие, маленький вздернутый носик и длинные прямые, каштановые волосы: ее отец был ирландцем, а мать – итальянкой. Глаза у обоих были голубые – у него более круглые и глубоко посаженные, а у нее – уже, но широко расставленные. И оба могли гордиться своими зубами – никаких брекетов и пластинок, просто идеальная улыбка.

Кристина идею найти спонсора спермы онлайн вынашивала давно – задолго до того, как к этой идее пришел Маркус, поэтому она днями и ночами шерстила сайты типа Фейсбука в интернете в поисках подходящей кандидатуры. Она завела себе колонки «нравится» и «очень нравится», банки спермы ежедневно высылали ей обновления – «Новые доноры каждый день!», хотя, надо заметить, доноры-высокие блондины частенько оказывались «извините, временно недоступны, попробуйте в другой раз». Наконец Кристине удалось сузить круг поисков до трех кандидатур – точно так же она действовала, когда они покупали их первый дом.

Маркус выбрал донора 3319, и у Кристины он тоже был фаворитом. Донор 3319 жил в Хоумстед Бэнк, он предпочел остаться анонимом, но, как и другие доноры, разместил в своем профиле две свои фотографии: одну – детскую, вторую – взрослую. У донора 3319 были круглые голубые глаза, как у Маркуса, светлые волосы, правда, на тон темнее, чем у Маркуса, ближе к оттенку Кристины, и среднее телосложение – нечто среднее между ними обоими. Судя по сообщениям, он был доброжелательным и общительным, а еще он учился в медицинском колледже, что для Маркуса стало решающим аргументом. Кристину же покорило выражение его глаз – они были умными и демонстрировали явный интерес к окружающему миру.

Они позвонили доктору Давидоу, тот заказал образцы спермы донора 3319, и, когда у Кристины была овуляция, в клинике «Начало семьи» доктор провел процедуру искусственного оплодотворения, впрыснув содержимое пипетки прямо внутрь Кристины, которая в этот момент крепко держала за руку медсестру. К сожалению, Маркуса в этот момент вызвали по делам в Рейли, его не было в городе в момент зачатия его собственного ребенка – но ведь это была чистая формальность. Он вернулся домой к тому времени, когда надо было делать домашний тест на беременность, который они сделали, несмотря на все сомнения, и который оказался положительным, что и подтвердил в результате позже доктор. Кристина забеременела, а Маркусу предстояло стать отцом – факт, который он все еще не до конца уместил в своем сознании сейчас, когда стоял в окружении коллег своей жены в учительской, готовясь произнести тост.

– Итак, давайте все поднимем наши бокалы – или бумажные стаканчики или что там у вас. – Маркус взял стаканчик с диетической колой со стола и поднял его вверх: – За всех вас – за то, что вы были так добры к моей замечательной жене. Натмег Хилл – прекрасная школа, и она будет скучать по всем вам, я знаю точно.

– О, – протянула Кристина, чувствуя прилив любви к нему.

– Слушай, слушай, – кивнула Пэм.

Маркус повернулся к Кристине, улыбаясь ей с любовью, и поднял стаканчик в ее сторону.

– И за мою потрясающую жену, которую я люблю больше жизни и которая как никто заслуживает счастья и радости.

– Спасибо, милый, – Кристина проглотила комок, вставший в горле, ее голубые глаза засияли, она обвила руками его шею, а он, держа стаканчик с колой чуть на отлете, обнял ее и чуть слышно прошептал – так, что слышала только она:

– Я люблю тебя, малышка.

– И я тебя люблю.

– Все вон! – закричала Лорен, вокруг засмеялись.

Вечеринка близилась к концу, коллеги один за другим подходили к Кристине и Маркусу и прощались с ней – она действительно будет скучать по ним всем. Объятия, слезы – и вот в комнате осталось всего несколько человек: Кристина, Маркус, Лорен, Пэм и ВсезнАл, который собирался выключить телевизор, пока они убирали со стола. Внезапно ВсезнАл привлек их внимание к экрану:

– О, поглядите-ка, они поймали этого серийного убийцу!

– Какого еще серийного убийцу? – спросила Кристина, собирая свои подарки.

– Ну, того маньяка, за которым они охотились – они его поймали в Пенсильвании. – ВсезнАл нажал на кнопку на пульте, чтобы увеличить звук, послышался голос репортера:

– Закари Джефкот был заключен под стражу в Филадельфии по подозрению в убийстве медсестры Гейл Робинб्राйт из Западного Честера, которое произошло 15 июня. ФБР и полиция Пенсильвании, Мериленда и Вирджинии также подозревают его в убийстве еще двух медсестер...

– Ал, ты серьезно? – возмутилась Лорен, собиравшая грязные тарелки из-под торта. – Это уже слишком с твоей стороны.

Репортер продолжал:

– Первое убийство произошло двенадцатого января, жертвой стала Линн Маклейн, медсестра из Ньюпорт Ньюс Хоспитал в Вирджинии, а вторая жертва – Сьюзан Аллен-Боген, медсестра из Бетезда Дженерал Госпитал в Мериленде, ее убили тринадцатого апреля...

– Ал, пожалуйста, выключи это! – воскликнула Пэм.

ВсезнАл проигнорировал и ее, уставившись в экран телевизора:

– Этот парень просто урод, вот что я вам скажу. Псих. Его называют «Потрошитель медсестер». Я давно наблюдаю за этим делом.

Кристина оторвалась от своего занятия и бросила взгляд на экран телевизора – а потом уставилась на него в упор. Экран показывал молодого человека со светлыми волосами в изодранной куртке, руки у него были скованы за спиной наручниками, полицейские вели его к машине. Когда один из копов поднял его голову за волосы, чтобы посадить его в машину, преступник повернул голову и посмотрел прямо в камеру круглыми голубыми глазами.

Сердце Кристины остановилось.

Она узнала эти глаза.

Она узнала бы это лицо среди тысяч и миллионов других лиц, где угодно и когда угодно. Потому что этот серийный убийца был их донором.

Донор 3319.

– Ты видел? – спросила Кристина, задыхаясь, как только они вышли из дверей школы и оказались на улице. Она не могла думать ни о чем другом, кроме донора 3319, машинально упаковывая подарки и гася везде свет.

– Видел что? – Маркус одним глазом косил в свой смартфон, пока они шли под ярким солнцем, он чуть впереди, а она – отставая, потому что шаг у нее был короче, чем у него.

– Ну по телевизору, этот преступник, серийный убийца? – Кристина оглянулась, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь, но рядом никого не было. Вокруг было спокойно и тихо – и это резко контрастировало с той бурей, которая разыгрывалась сейчас у нее в душе.

Школа Натмег Хилл находилась в предместьях Коннектикута и входила в Титул I^[2], а значит, среди учащихся было много детей из не слишком обеспеченных семей, но здание ее тем не менее было довольно новое, двухэтажное, из желтого кирпича, с современными окнами, а вокруг него простирались пастбища и кукурузные поля.

– Нет, я не видел его. – Маркус достал ключи от машины из кармана. – Ты приехала с Лорен, да? Моя машина совсем рядышком – мы можем положить все твои подарки в нее.

– Отлично, Маркус, но этот серийный убийца... – Кристина не смогла договорить, потому что чувствовала, что если произнесет это вслух – все станет совсем по-настоящему. А Маркус почти не слушал ее, проверяя почту. Они миновали новую детскую площадку с ее яркими красными, желтыми и синими сооружениями, а за ней – заасфальтированную площадку с яркими желтыми полосками – для катания на велосипедах и уличных игр.

– Вечеринка была отличная, – сказал Маркус рассеянно, все еще не отрываясь от своей почты.

– Да уж, они превзошли сами себя, – выдавила из себя Кристина. Она никак не могла выкинуть из головы эту историю с убийцей. Невозможно было поверить, что все вдруг так резко и страшно изменилось. Сердце было готово вырваться у нее из груди. Она оглядывала площадку – недавно высаженные деревья защищали белые пластиковые рукава. Как бы ей хотелось, чтобы такой же пластиковый рукав защищал и ее саму – чтобы он обнимал ее тело, оберегая ее и ребенка от опасности, угрозы, от всего, всегда и навсегда.

– Малышка, с тобой все в порядке? – спросил Маркус, убирая телефон в карман. Они подошли к гостевой парковке, на которой стоял его черный седан «Ауди».

– Все нормально, – заставила себя ответить Кристина.

– Но ты вся красная. – Маркус открыл перед ней дверцу машины. – У тебя температура? Ты не собираешься потерять сознание?

– Нет, я в порядке.

– Садись, а я включу кондиционер. – Маркус указал ей на пассажирское сиденье.

– О'кей, отлично. – Кристина позволила ему усадить себя на сиденье, потом положила свою стеганую сумочку на колени.

– Вот так, отдыхай. – Маркус закрыл ее дверцу, обошел вокруг машины, забрался на водительское сиденье и включил зажигание, чтобы заработал кондиционер. Он направил на нее струю воздуха, который сначала был обжигающе горячим, но удивительно быстро остыл.

– Так лучше?

– Да, спасибо. – Кристина почувствовала живительную прохладу на горящих щеках. Наверное, давление повысилось. Она вся действительно будто горела изнутри с того

момента, как услышала новости.

– Так что случилось? У тебя жар?

– Нет.

Надо сказать ему – она больше не могла держать это внутри себя.

– Маркус, тот серийный убийца по телевизору... в новостях... он был очень похож на нашего донора. Он выглядел точь-в-точь как донор 3319.

– Что?! – Маркус моргнул.

– Ты его видел? Клянусь тебе – я уверена, что узнала его!

– О чем ты вообще говоришь?!

Маркус недоверчиво нахмурился, но Кристина уже лихорадочно копалась в своем телефоне, выудив его из сумочки.

– Он выглядел как наш донор. Сейчас, я только найду то видео...

– Ну конечно же, это не наш донор, – фыркнул Маркус и отвернулся, глядя перед собой, не обращая внимания на то, что она делает.

– Но он был на него похож!

– Не говори ерунды. – Маркус сдал машину назад, покачивая головой.

– Но я же точно видела! Ты сам-то видел запись?

– Нет. И кстати – что не так с этим Алом? Кто в здравом уме будет следить за серийным убийцей?

Маркус выехал с парковочного места и поехал к боковому выходу из школы, где они оставили подарки и остатки прощального торта, потому что учителя никогда и ничего не выбрасывают.

– Подожди! – Кристина пыталась войти в интернет, но не могла – за границами школы пароль не действовал, и это выводило ее из себя.

– Что ты делаешь? – Маркус остановился около бокового выхода и заглушил мотор.

– Ищу CNN. Они наверняка выкладывают видео на своем сайте.

– Ты же это не серьезно, правда?

Маркус смотрел на Кристину так, словно она сошла с ума или ею руководили гормоны – подобное выражение она частенько видела на его лице в последнее время, и обычно он не ошибался.

– Я... не знаю. Но это было так странно.

– Что было странно? – Маркус поправил ventиль кондиционера, чтобы струя воздуха попадала прямо на лицо Кристины.

– Я взглянула на экран телевизора – и меня будто током ударило: это он! Я его узнала.

– То есть ты думаешь, что этот парень – наш донор? – губы Маркуса недоверчиво кривились. – Но он же просто парень из новостей!

– Но он был блондин, и высокий, и у него были те же глаза – его голубые глаза...

– Очень многие парни выглядят так же. Мой отец, например. Или я, – Маркус открыл дверь машины, и внутрь ворвался горячий воздух. – Побудь здесь. Постарайся успокоиться. Я загрузу подарки и отвезу тебя домой. Не хочу, чтобы ты садилась за руль в таком состоянии. А твою машину заберем потом.

– Я могу вести, я в порядке.

– Нет, сиди спокойно. – Маркус вышел и закрыл дверь машины.

Кристина снова достала свой айфон. Она опять пыталась выйти в сеть, но у нее не получилось. Надо было идти поближе к офисам, поэтому она открыла дверцу машины и

вышла. Она медленно шла по тротуару, пока не увидела сверху экранчика значок, что находится в сети – и сразу вошла в интернет. Забив в поисковик «CNN», она вышла на их сайт и стала лихорадочно листать новости в поисках нужной. Нужная оказалась под номером три. Заголовок гласил: «Задержан подозреваемый в серийных убийствах».

– Кристина! А я думала, ты уже уехала!

Пэм вывалилась из входной двери с удивленной улыбкой, в руках у нее были три объемных сумки.

– Маркус загружает вещи. Спасибо вам огромное еще раз. – Кристина старалась придать лицу оживленное выражение, но думать могла только о видео на сайте новостей. Она сунула телефон в карман, а тут и Маркус вернулся к машине с сумками и стал класть их в багажник. Пэм заметила его.

– О, надо ему помочь, – сказала Пэм и махнула ему рукой.

– Да нет, спасибо, он справится сам. А ты и так сегодня много трудились.

– А разве когда-нибудь мы трудимся не много? Кстати – видела мою новую сумку? Это мне дочка подарила. – Пэм показала на одну из своих огромных сумищ с цветочным орнаментом от Веры Бредли – точную копию сумочки Кристины.

– Великолепно. Ты просто учительница-порномодель.

– Эй, дамы! – позвал Маркус, возникая перед ними, засунув руки в карманы. – Пэм, надо признать – ты знаешь толк в вечеринках.

– Рада, что вам понравилось.

– Милая? – Маркус взял Кристину за руку, и они втроем отправились к парковке. Попрощавшись с Пэм еще раз, Маркус открыл дверцу Кристине, сам сел на водительское сиденье и включил зажигание.

– Зачем ты вышла из машины? – спросил он, нажимая на педаль газа.

– Чтобы посмотреть видео.

– То есть ты продолжаешь глупить, – Маркус повел машину к выезду с территории школы.

– Может быть. Наверное. Но давай просто поедem домой. Скоро я смогу поймать сеть, на Гластонбери Род.

– Чушь какая-то. – Маркус потянулся к пачке салфеток, которые обычно использовал во время игры в гольф, и вытер одной из них лицо. – Дорогая, это не наш донор.

– Это может быть он. То есть... Ну это ведь возможно!

– Нет, невозможно. Тут и говорить не о чем. Я вообще не могу поверить, что ты это серьезно. Они же проверяют своих доноров!

– Уверена, что они это делают – но насколько? И как? – Кристина задумалась. Она никогда не задавалась вопросом, какого рода проверки проходят доноры спермы. Она помнила, что что-то читала об этом на сайтах, но сейчас ей казалось, что надо было уделить этому больше внимания.

– Это банки с хорошей репутацией. Мы же обращались к доктору Давидоу. Это же не какая-то подпольная лавочка!

– И все же – теоретически это возможно. Кто-то склонен к убийству или другим преступлениям – и как ты это проверишь?!

– Наш донор на данный момент должен быть студентом-медиком. А тот арестованный парень не был студентом-медиком!

– А может, был, мы же не слышали всю историю целиком!

Кристина подумала, что все это звучит совершенно неправдоподобно даже для нее самой – и ей стало от этого чуточку легче. Они выехали на каменный мост, она проверила телефон – сети все еще не было. Через пару минут они будут на Гластонбери Род. Солнечный свет, пробиваясь сквозь густые кроны дубов, заливал дорогу, кукуруза на полях вокруг радостно шелестела своими ярко-зелеными листьями – пожалуй, она была высоковата для середины-то июня.

– Как бы то ни было, завтра твой последний день в школе. Потрясающе, верно?

– Да. Но я хочу все-таки найти это видео. Я покажу тебе его – и посмотрим, спятила я или нет.

– Конечно, спятила, – усмехнулся Маркус, прищулив глаза за солнечными очками. Он выехал на Шир Род, Кристина наконец поймала «Сафари», тут же зашла на сайт CNN, нажала на найденную раньше страничку с нужной новостью, а потом стала читать, для верности водя пальцем по экрану:

– Тут пишут: «Закари Джефкот, житель Пенсильвании, был арестован сегодня...»

– Ну вот, видишь – это не наш парень. Наш из Невады.

– Верно, но дай мне дочитать, – Кристина попыталась сосредоточиться на прыгающих строчках: —...был арестован сегодня по подозрению в убийстве Гейл Робинб्राйт, тридцатиоднолетней медсестры из Западного Честера, Пенсильвания. Это убийство – третье в серии убийств медсестер, первые два произошли в Ньюпорт Ньюс, Вирджиния, и Бетезда, Мериленд. Линн Маклейн, медсестра в педиатрическом отделении, была найдена мертвой двенадцатого января, а Сьюзан Аллен-Боген, операционная медсестра, также была обнаружена мертвой тринадцатого апреля...

Маркус хмыкнул:

– Парень убивает медсестер? Что вообще происходит с людьми?! Медсестры же классные.

– Да, но тебе не кажется странным, что наш донор 3319 студент-медик, а жертвы – медсестры?

– Парень, которого арестовали, не студент-медик!

– Да, да, я знаю. – Кристина смутилась. Лицо у нее все еще горело, несмотря на работающий кондиционер. Она снова перевела взгляд на экран своего айфона. – Вот они пишут: «Убийца уже получил прозвище “Потрошитель медсестер”».

– Там написано что-нибудь о том, что он студент-медик?

– Нет, не написано. – Кристина пробежала глазами по последним двум строчкам заметки. – «Комиссар полиции выражает удовлетворение поимкой преступника и благодарит федеральные и местные службы безопасности за их самоотверженную работу». Хммм... Тут вообще ничего о нем не написано. Ну, что-то вроде того, какую школу он закончил и когда. Даже про его возраст.

– Так. Это не он. Если бы он был студентом-медиком – об этом бы точно написали. Это важная деталь.

– Ты прав, – согласилась Кристина, но сердце у нее в груди никак не успокаивалось. Она сдвинула курсор к краю страницы, туда, где была иконка видео. Стоп-кадр демонстрировал группу полицейских, и она нажала на кнопку «PLAY». На видео полицейские вели к машине светловолосого молодого человека – его пшеничные волосы подпрыгивали в такт шагам вверх-вниз, вверх-вниз. Лицо пленника разглядеть было нельзя, потому что полицейские загораживали его, а кроме того, мешал яркий солнечный свет, который лился в окно машины.

и заставлял экран мобильного отсвечивать. Кристина ткнула на паузу.

– Мы можем остановиться, чтобы я наконец посмотрела?

– А стоит ли? Мы будем дома через двадцать минут. – Маркус продолжал вести машину, выражение его глаз невозможно было угадать из-за солнечных очков.

– Но я не хочу ждать. Давай остановимся, это займет всего пару минут. Мы можем посмотреть вместе.

– Хорошо.

Маркус свернул на обочину и заехал немного в глубь леса, остановившись у высокого раскидистого дерева. Заглушив мотор, он наклонился к Кристине:

– Ну, покажи мне, что ты имеешь в виду.

– Спасибо.

Кристина нажала кнопку, и они оба просмотрели запись, на которой полицейские вели арестованного с заведенными назад руками к машине.

– Он не похож. Наш парень выше.

Кристина нажала на «STOP».

– Ты не можешь определить, высокий он или нет.

– Могу. Посмотри на него и сравни с полицейскими, которые его окружают.

– Но ты же не знаешь рост этих полицейских.

– Полицейские, судя по всему, все меньше шести футов ростом – и это реально. Они же не спецагенты – вот спецагенты обычно бывают выше. А потом – ты же знаешь, у меня же глаз-алмаз.

Кристина знала, что это правда. Всю жизнь играя в гольф, Маркус действительно выработал очень точный глазомер и обладал почти сверхъестественной способностью вычислять расстояния и пропорции, чего она была лишена совершенно.

– Кроме того, он выглядит еще и старше, чем наш донор. Нашему парню около двадцати пяти, я думаю, а этому парню можно дать все тридцать с хвостиком.

– А я вот не могу сказать, сколько лет этому парню на картинке. И потом – двадцать пять от тридцати отличается не особо. – Кристина впилась взглядом в изображение на экране.

– Да нет, отличается. Наш парень моложе. Он почти ребенок, студент. А этот арестованный уже не молод.

– Но мы же не знаем, когда именно наш донор поступил в медицинский колледж. Мы знаем только то, что его приняли, – Кристина показала на видео. – Подумай об этом. Он устал – но он не старый. Он, наверное, пытался убежать от полиции.

– Об этом ничего не сказано.

– Но я думаю, так и было.

Кристина снова нажала на кнопку, видео продолжилось. Полицейские немного расступились, и арестованного можно было разглядеть получше. Он был одет в изодранную куртку поверх белой футболки, но лицо его все еще нельзя было рассмотреть, потому что голова у него была опущена. Его светлые волосы на ярком солнечном свете отливали более темным карамельным оттенком. Кристина снова нажала паузу.

– Но волосы у него точно как у нашего донора, ты видишь?

– Я не знаю. Я не помню.

– Зато я помню.

Кристина внимательно изучала волосы мужчины, думая, что запомнила этот оттенок

волос их донора как раз потому, что именно такого она хотела добиться на своих волосах и пыталась описать его своему парикмахеру. Она осветляла волосы уже давно и все время находила все новые оттенки блонда в модных журналах, так что в светлых волосах она разбиралась отлично.

– У него теплый оттенок цвета волос. Не пепельный, как у тебя, теплый золотой, как карамель, а не как холодный скандинавский...

Маркус закатил глаза:

– Ты пытаешься сама себя свести с ума?

– Давай дальше смотреть. – Кристина нажала кнопку. На экране арестованный наконец поднял лицо, отбросив волосы назад. Она вспомнила, как отметила, какие красивые волосы у их донора на фото – она даже обсудила это с Лорен. «Идеальные волосы» – так сказала Лорен, разглядывая фото в телефоне Кристины. Она еще спросила тогда:

– За них не нужно доплачивать?

– В его профиле говорится, что у него мягкие волосы.

– Да уж, волосы мягкие, точно. И сам он такой весь мягенький. Прямо так бы и съела его.

– Пожалуйста, не нужно вожделеть моего донора.

Такой вот у них тогда был диалог.

Кристина постаралась выкинуть из головы воспоминание о нем, и они с Маркусом стали смотреть видео дальше в молчании. На следующих кадрах пленник как раз подходил к полицейскому джипу и садился в машину. Маркус сопел у нее за спиной, и она понимала по этому посапыванию, что на самом деле он тоже довольно сильно напряжен. Она задержала дыхание в ожидании момента, когда арестованный поднимает голову и смотрит в камеру перед тем, как его усаживают в машину.

– Вот! – воскликнула Кристина, испытывая то же самое, что и в учительской: узнавание, словно вспышка. Она нажала паузу, остановив изображение – пленник смотрел в камеру. Глаза у него были круглые и голубые. И взгляд – тот же самый взгляд: умный и любопытный, как будто ему было интересно все, что происходит вокруг. Именно это она подумала тогда, когда впервые увидела его фото в сети. Она всегда была наблюдательна – и знала это. Это фото... оно теперь останется у нее в памяти навсегда.

– Клянусь, это...

– Не он, – перебил Маркус категорично. – Это точно не он.

– Но почему ты так уверен? Мне кажется, я его узнаю. Мне кажется, это он. Он очень похож!

– Нет, не похож, – нахмурился Маркус.

– Но в чем же разница?! – Кристина смотрела на него с мольбой, в горле у нее стоял ком, она так хотела, чтобы он сказал слова, которые убедят ее. Пусть он убедит ее! Она не хотела быть правой. Она очень хотела ошибиться.

– У нашего парня более широкое лицо, вот тут, где скулы, – Маркус провел пальцем по изображению на экране, под глазами пленника. – Я помню, что думал об этом, когда разглядывал его фото. У моего отца широкие скулы, у меня широкие скулы – скулы Нилссонов. Помнишь, когда мы с тобой познакомились – ты что-то даже сказала о моих скулах? И я даже подумал тогда – почему эту женщину так волнуют чьи-то скулы?

– При чем тут это?

– Я же говорю – посмотри на скулы этого парня на видео. Они совсем не такие, как у

моего отца. Мой отец – ширококостный швед, и у меня его скулы. И что мне понравилось в нашем доноре – это как раз то, что у него тоже были широкие скулы. У него явно в роду были шведы – это видно. Можешь сама убедиться, – Маркус махнул в сторону видео на экране. – Так что это не наш парень.

– Но глаза? – Кристина не отступала, ее не слишком убедили доводы Маркуса. – Они большие и круглые, как у нашего донора.

– Да куча людей имеет большие и круглые глаза. Я, например.

– Но разве ты не видишь, что они точно такие же, как у нашего донора на фото?

– Нет, совсем нет. – Маркус коснулся экрана ее телефона указательным пальцем, и пленник на видео исчез в полицейской машине. – Ну что, теперь мы можем наконец ехать домой?

– Подожди секундочку. – Кристина схватила телефон, вышла из «Сафари» и зашла в свои фотографии, где начала лихорадочно перелистывать одно фото за другим в поисках нужной фотографии. Перед глазами у нее мелькали кот, собака, сад...

– Ну а теперь-то что? Что ты делаешь?

– Ищу фотографию.

– Ты хранишь фотографию нашего донора в телефоне?! – Маркус изумленно смотрел на нее поверх солнечных очков. – Зачем?!

Кристина продолжала поиски.

– Я хотела показать Лорен.

– Но ты могла послать ей фото по почте – нам же ее прислали по почте.

– Возможно, но она-таки есть у меня в телефоне. Я ее сохранила. – Кристина чувствовала некоторое смущение. – Я храню все фотографии, ты же знаешь. Да все так делают.

– Да ладно, ладно.

– Подожди. Вот, смотри! – Кристина наконец нашла среди бесчисленных снимков медсестер и работников «Начала Семьи», селфи со смешными рожицами и других фотографий ту, которую искала – фотографию их донора в детстве. Она попыталась взглянуть на нее свежим взглядом – но никак не могла отделаться от чувства, что смотрит на того человека из видео.

– Пффф, – покачал головой Маркус, – да это же наш маленький блондинчик!

– И тебе он не кажется похожим на того парня из видео?

– Нет. Я не думаю, что это он.

Кристина перелистнула на следующую фотографию, где их донор был уже взрослым, и сердце ее остановилось. Она не знала, стоит ли говорить это вслух – но ей самой все было предельно ясно: она узнала это лицо.

– Нет и нет. – Маркус включил зажигание и завел машину. – Признаю, он немного похож, но очевидно, что это не он.

– И из чего же это очевидно?

– Говорю же тебе – у нашего парня лицо шире, чем у того из видео. – Маркус нажал на газ, выводя машину на шоссе. – Внешне немного похож, не буду отрицать, но блондины вообще все между собой похожи. Светлые волосы, голубые глаза, светлая кожа... Мой отец всегда говорил, что мы все светимся в темноте.

– А что ты думаешь насчет вот этого его взгляда? Это его выражение глаз?

– А что у него за выражение? – Маркус вел машину, глядя перед собой.

– Ну, то, как он смотрит на мир.

– Да я знаю, что это значит. Я просто не очень понимаю, что ты подразумеваешь под этим. Короче – что такого особенного в его взгляде?

– Мне кажется, у этого парня из видео такой же взгляд, как у нашего парня. Внимательный. Острый. Умный и любопытный.

Желудок Кристины сжался. Деревья по обочинам, мимо которых они ехали, слились почти в одну линию, и она невольно подумала, что Маркус едет слишком быстро, но ничего не стала говорить.

– Итак, он смотрит на мир умным и любопытным взглядом. – Маркус фыркнул. – Но это не наш парень.

– А мне все-таки кажется, что это он. – Кристина почувствовала подступающую тошноту, но очень надеялась, что это шалют гормоны: все два месяца у нее был токсикоз, каждое утро она начинала с приступа рвоты, и чувствовала себя хорошо только сразу после того, как ее вырвало. В беременности это был самый неприятный фактор.

– Тревога, тревога, тревога. Ты слишком много тревожишься. Перестань волноваться.

– Но это повод для волнения!

– Я тебе вот что скажу, милая. Мы приедем домой, посмотрим видео на большом экране, на ноутбуке, и ты сможешь рассмотреть все получше. Если хочешь – позвони Лорен.

Маркус взглянул на нее, но Кристина не могла видеть его глаз под солнечными очками – все, что она видела, это только собственное отражение в темных стеклах.

– А что, если она со мной согласится?

– Если Лорен с тобой согласится – тогда вы обе будете чокнутыми.

Вслед за Маркусом Кристина вошла в дом, вытянула из футляра свой лэптоп, бросила футляр на стул и сняла босоножки. Тошнота немного уменьшилась, в доме было прохладно, и она чувствовала облегчение: они установили кондиционер в тот же день, когда узнали о ее беременности, он стоил кучу денег.

Маркус прошел на кухню, она пошла за ним, ступая босыми ногами по прохладному полу. По дороге она погладила выскочившего навстречу Мерфи – их толстого светлого лабрадора, радостно размахивающего круглой запятой хвоста. Мерфи было шесть с половиной лет, но он все еще был активным и игривым, как щенок, поэтому они уже решили не ждать, что он когда-нибудь повзрослеет и станет солидным. Ему хватало ума держаться подальше от их избалованной рыжей кошки Мармелады, которую чаще называли Леди и которая буквально спасала их в горькие дни отчаяния, когда мечта о детях казалась недостижимой.

– Тебе налить холодной воды? – спросил Маркус, открыв холодильник. Он доставал фильтр правой рукой, а левой машинально чесывал Мерфи за ухом.

– Да, спасибо.

Кристина направилась прямо в свой импровизированный домашний офис, который находился в небольшой кладовке при кухне. Там была гранитная стойка, встроенный стол и старые ящички, в которых хранились счета, письма, какие-то бесчисленные записки, которые перекочевали сюда из школы, и прочие бумажки, нужные и не очень. Кристина водрузила лэптоп на стойку, включила его, вышла на сайт CNN и, найдя нужную страничку, нажала на кнопку «PLAY». Раздался голос репортера, но она выключила звук, чтобы сосредоточиться на картинке, неотрывно глядя на то, как арестованного снова ведут к машине полицейские. Вот они подходят к машине, вот немного расступаются, вот уже можно разглядеть преступника... вот он поднимает голову...

Кристина сделала видео на полный экран. И когда стали видны волосы пленника, судорожно сглотнула – все-таки эти волосы были невероятно похожи на волосы их донора. Но она продолжала смотреть, несмотря на сжавшийся в комок желудок, ожидая того момента, когда они подведут арестованного к самой машине и он взглянет прямо в камеру...

Кристина нажала стоп, руки у нее дрожали.

Она не могла поверить в то, что только что видела. Эти голубые глаза... выражение его лица... весь его облик в целом – она определенно уже видела его раньше!

Он выглядел точь-в-точь как их донор.

Вошел Маркус, поставил стакан ледяной воды на стойку, лед чуть звякнул о стенку стакана.

– Почему ты не садишься?

– Так мне лучше видно. Маркус, ничего не могу с этим поделать. Этот парень действительно выглядит как наш донор.

– Ну нет же, милая. – Маркус обнял ее и слегка сжал. – Совершенно не о чем волноваться. Серьезно.

– Ну посмотри вместе со мной, на большом экране, посмотришь?

– Хорошо. – Маркус отстранился и нахмурился. – Включай видео.

– На большом экране хорошо видно. – Кристина включила видео и прокрутила до того

момента, где пленник готовится сесть в машину. – Ты что, не видишь, что он похож?!

– Немного похож. И все-таки – не совсем похож. – Маркус покачал головой. – Как я уже говорил в машине, у этого парня более узкое лицо, особенно в области скул.

– То есть тебе кажется, что он худее, чем наш донор?

– Точно, и лицо у него более длинное.

Маркус отбросил челку со лба – лоб у него был светлее, чем все остальное лицо: у гольфистов у всех так, козырек загораживает лоб от солнца.

– Серьезно – поверь мне. Ты ошибаешься, здесь совершенно не о чем тревожиться.

– Но я все-таки беспокоюсь. – Кристина никак не могла оставить это – она никогда и ничего не могла оставить.

– Почему бы тебе не позвонить Лорен?

– Я ей отправила смску еще в машине. Она приедет, когда уложит детей.

Маркус моргнул:

– А почему ты не могла просто отправить ей ссылку на видео?

– Мне нужно видеть ее реакцию. Подожди-ка секундочку. У меня появилась еще одна идея.

– Что? – Маркус явно начинал терять терпение. Он убрал руку с ее плеча.

– Пожалуйста, потерпи еще чуть-чуть.

Кристина уже выдвигала ящик, в котором хранила всю медицинскую информацию. Здесь были счета за всякие процедуры по повышению фертильности, куча различных форм, которые они заполняли, результаты анализов – таких ящиков было целых пять. В последнем хранились данные по их донорам, наверно, сотни и сотни страниц, которые они получали из банков спермы.

– Да что происходит?! – вздохнул Маркус.

– Одну минуточку, всего одну минуточку, – пробормотала Кристина, роясь в ящике с профилями, присланными из банка спермы Калифорнии – они были напечатаны на характерных зеленых бланках, за ними шли более традиционные бланки из «Фейрфлекс Криобанк», и наконец она добралась до ярко-красных бланков «Хоумстеда» с их таким милым логотипом в виде домика с сердечком внутри. Доктор Давидоу сотрудничал с банками по всей стране, но для них выбрал эти три, потому что специально выбирал банки, находящиеся как можно дальше. Объяснил он это со свойственной ему деликатностью:

– Я делаю это для того, чтобы концентрация детей этого донора в нашей местности была как можно меньше. Вы же не хотели бы, чтобы у вас в школе целый класс состоял из детей, похожих на донора 3319?

Маркус нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

– Детка, мне есть чем заняться. Собаку надо вывести, и мне нужно сделать несколько звонков...

– Сейчас-сейчас, – Кристина нашла профиль донора 3319 – все листочки аккуратно скреплены степлером – и ткнула пальцем в первую страницу: – «Физические характеристики. Цвет волос – светлый, тип волос – прямые, мягкие». У нашего донора мягкие волосы – как у того парня из видео!

Маркус смотрел на нее с недоверием:

– Нельзя по видео определить, мягкие волосы у кого-то или нет.

– Да, с абсолютной точностью, конечно, нельзя, я думаю именно так, – Кристина перешла к следующему абзацу: – И кожа такая же. Тут написано: «Чистая, розовая,

сливочная».

– У донора 3319 «сливочная кожа»?! – Маркус фыркнул. – Да тот, кто брал у него интервью, был от него без ума!

– У парня на видео тоже чистая кожа.

– Но сливочная ли она? – Маркус поднял брови, вокруг глаз у него собрались веселые морщинки.

– Слушай, я не знаю, что означает эта «сливочная кожа», но...

– Я знаю. Это означает, что у интервьюера вместо мозгов сливки. Так что все, удачи тебе, – Маркус выбрал среди игрушек Мерфи старый теннисный мячик и подкинул его вверх – при виде этого пес радостно замахал хвостом и начал нетерпеливо перебирать лапами, стуча когтями по полу.

– Маркус, пожалуйста, посмотри эту характеристику вместе со мной.

Маркус закрыл ящик с игрушками.

– Нет уж, это ты сама. Если хочешь и дальше глупить – глупи. Я свое слово сказал – с меня хватит.

Он бросил мяч об стену, поймал его и вышел из кухни, за ним бежал Мерфи, пританцовывая вокруг его колен.

Кристина вернулась к профилю донора 3319.

После пунктов «рост, вес, цвет волос, тип волос, комплекция, цвет глаз» шла запись о впечатлениях интервьюера от встречи с кандидатом. Кристина обращала внимание на эти послесловия, а вот Маркус считал их нелепыми.

– Ты что, издеваешься? – спросил он тогда, читая профиль 3319. – Шесть футов три дюйма рост, отличное телосложение – этот донор 3319 мог бы стать профессиональным теннисистом. Он явился на интервью в белой рубашке-поло от Ральфа Лорена, штанах хаки и сандалиях от «Teva», и хотя одежда сидит на нем свободно – тем не менее его мускулатура вполне отчетливо видна, – Маркус посмотрел на нее, улыбаясь. – Какого черта еще надо? Она просто описывает свои ощущения. Там в самом верху говорится: «Заметки интервьюера являются изложением субъективного мнения интервьюера о кандидате и не имеют отношения к медицинской информации».

– Я знаю, но все-таки они могут тоже оказаться полезными. Из них можно понять, как он общается, как ведет себя, и он ей понравился. Это же тоже важно знать.

– Зачем? Какая разница – кто ей нравится?

– Ну, мы же хотим донора, который может понравиться.

– Мы хотим сперматозоиды, которые могут нравиться? – Маркус расхохотался. – А если бы у меня были сперматозоиды – они бы могли тебе понравиться?

– Их я могла бы даже полюбить.

Маркус улыбнулся и продолжил читать форму, но потом покачал головой:

– «У донора 3318 такие блестящие светлые волосы, что я не удержалась и спросила, каким кондиционером он пользуется»?! Ты точно надо мной издеваешься.

– Ну, она же девочка.

– Да, точно, – Маркус округлил глаза. – «У него открытая и, я бы сказала, уверенная улыбка, он кажется надежным, серьезным, не лишенным чувства юмора. Если сравнивать его с кинозвездой – то скорее всего это будет Бредли Купер». Да зачем его сравнивать с кинозвездой-то?! При чем тут вообще это?!

– Для наглядности.

– Нет, эти профили – это нечто. «Этот кандидат похож на Джастина Тимберлейка, а тот – на Коллина Фаррелла». Просто какой-то Голливуд в баночке для спермы!

Кристина выкинула из головы воспоминание об этом разговоре и снова вернулась к профилю донора 3319.

После интервью было то, что называлось «Личной информацией»: год рождения – 1990; образование – бакалавр в области химии; чем занимается в настоящее время – студент, принят в медицинский колледж; этническое происхождение – немецкое, шведское, английское; религия – агностик/атеист. Кристина вчитывалась в семейно-медицинскую историю донора 3319: родители, бабушки-дедушки с обеих сторон... Здесь были результаты его анализов, демонстрирующие, что у него нет гепатита, хламидий, HIV I и II, гонореи, ЦМВ и сифилиса. Дальше следовали результаты скрининга на муковисцидоз, спинальную мышечную атрофию, и жирным шрифтом предупреждение: «Результаты скринингов являются информативными, но ни в коем случае не представляют собой гарантию, что пациент не является генетическим носителем этих заболеваний». Кристина вспомнила, что Маркус гораздо сильнее интересовался именно медицинскими аспектами.

– Кристина, – спрашивал он, – тут написано, что у его отца была астма и что она началась в возрасте двух лет. Они пишут, что он «излечился», но вообще-то это нехорошо. Не знаю, астма вообще передается по наследству?

– Я запишу, чтобы спросить потом. – Кристина всегда брала с собой на каждый визит к врачу целый лист с вопросами. Она записала: «астма».

– А у матери была «фиброма матки». Ей сделали гистерэктомию. Это имеет какое-то значение?

– Понятия не имею. Я помечу себе и тоже спрошу.

– Тут написано, что она излечилась.

– Значит, она излечилась.

Кристина пошла к выходу.

– Не хочу тратить время на пустые вопросы.

– Но это не пустые вопросы, это важно. Тут ничего нет про ДНК. Вот, например, они пишут: у бабушки со стороны матери был рак кожи, базальная форма, на руке. Впервые диагностирован в возрасте сорока лет, была операция, успешная, излечение. Об этом тоже надо будет спросить.

– Спросим. – Кристина сделала пометку в своем списке. – Хотя я не думаю, что рак кожи – это наследственное заболевание.

Маркус задумчиво нахмурил брови.

– А я как раз думаю. По крайней мере предрасположенность точно передается по наследству. У него очень светлая кожа – он наверняка быстро обгорает. Нилссоны, например, горят, как бекон на сковородке.

Кристина вернулась к профилю, она перелистывала его, пока не дошла до списка вопросов, на которые отвечал донор 3319 лично. И на первом же вопросе невольно застопорилась:

Вопрос: Вы хотели бы принять участие в программе Хоумстеда «Открытое лицо»?

Ответ: Нет.

Вопрос: Если нет, то почему?

Ответ: Насколько я понимаю, программа «Открытое лицо» подразумевает, что донор спермы может встретиться с ребенком, рожденным в результате использования его спермы,

по достижении этим ребенком совершеннолетия. Я решительно не хочу делать этого, потому что не считаю себя отцом будущего ребенка. Я считаю себя источником биологического материала, который может помочь какой-то семье, но это не моя семья, это ИХ семья. Кроме того, я знаю, что мои родители в силу своих религиозных убеждений не одобрили бы то, что я делаю. Я абсолютно уверен, что хочу сохранить максимальную приватность и анонимность – за исключением тех двух фотографий, которые предоставил для потенциальных родителей.

Кристина почувствовала, как сжался ее желудок. Она отложила профиль, снова повернулась к ноутбуку и тронула мышку, чтобы он проснулся. На экране по-прежнему был вебсайт CNN и все то же видео, поставленное на паузу, но добавилось два абзаца текста. Она прочитала первый:

«Власти Пенсильвании арестовали автомобиль Джефкота, белый «Ниссан Центра» 2013 года, и обнародовали содержимое его багажника: лопата, рулон мешков для мусора, большой охотничий нож и медицинскую пилу по кости».

У Кристины пересохло во рту. От лопаты и мусорных мешков у нее мурашки побежали по спине, а медицинская пила вызвала головокружение. В голове один за другим проносились вопросы: у кого может быть доступ к медицинским инструментам, как не у студента-медика?! Разве это не указывает на донора 3319? И кто лучше студента-медика умеет управляться с этой самой медицинской пилой? Он украл ее из больницы? Или купил для своих каких-то целей? Или это все принадлежит кому-то еще? Кому-то, кто имеет отношение к медицине. И еще – ведь это, наверно, не так просто – пользоваться медицинской пилой? А если человек уже мертвый – наверно, еще труднее?

Она прочитала следующий параграф:

«Потрошитель медсестер», как известно, действует по одному и тому же сценарию. Все три его жертвы – женщины-медсестры, возраст от 30 до 40 лет, все были найдены в собственных постелях, полностью одетыми, руки у всех жертв были сложены в молитвенной позе и связаны с помощью жгута. Лодыжки жертв тоже связаны жгутом. Все три жертвы убиты одинаковым способом – удар в сердце, нанесенный медицинской пилой, в одном и том же месте, всего одна рана. Полицейские и эксперты ФБР считают, что способ убийства свидетельствует о наличии у убийцы медицинского образования. А тот факт, что жертвы являются медсестрами, говорит о возможном мотиве – ненависти к этой профессии. В отличие от большинства серийных убийц, Потрошитель медсестер не совершает с жертвами действий сексуального характера.

Кристина почувствовала тошноту, ее затрясло. Она схватила свой стакан с водой и сделала глоток, а потом опустилась на стул: утренняя тошнота, к которой она успела привыкнуть, грозила перестать быть утренней и явить себя во всей красе сейчас, хотя был уже день.

Она еле успела к мусорному ведру, где ее и вывернуло.

Кристина торопливо подбежала ко входной двери и распахнула ее широко, как будто ожидала, что в дом ворвется полк кавалерии.

– Лорен, как же я рада тебя видеть!

– Серьезно? – Лорен улыбнулась, входя в дом. Ее темные кудрявые волосы теперь были заколоты черепаховой заколкой, а одета она была в серую футболку Колумбийского Университета и светло-голубые нейлоновые шорты. – А чем я это заслужила?

– Всем! – Кристина крепко ее обняла, затем хотела закрыть дверь, но в это время у нее за спиной появился Маркус.

– Лорен, привет. Спасибо за помощь с вечеринкой. Было замечательно.

– Ага, замечательно. Всегда пожалуйста.

– Гав!

Мерфи, дружелюбно размахивая хвостом, начал обнюхивать гостью.

– Приве-е-е-ет, Мерф! Ну, как поживает мой мальчик, а? Как поживаешь? – Лорен ласково потрепала собаку по холке. У нее не было домашних животных, потому что ее муж, Джош, был аллергиком, и она всегда шутила, что у нее вместо собаки муж. Джош был бухгалтером в Роки-Хилл, из-за этого ей пришлось переехать в Коннектикут со своего любимого Манхэттена.

– Хочешь содовой или еще чего-нибудь?

– Нет, спасибо. Твоя смска была такой таинственной. – Лорен посмотрела на Кристину, потом на Маркуса, потом снова на Кристину. – Что случилось?

Маркус улыбнулся:

– Предоставлю моей чудесной женушке возможность самой все объяснить. А я пойду покидаю мячик.

Кристина взглянула на него с удивлением. Он не упоминал, что собирается играть. Они спокойно поужинали, она даже попыталась удержать в себе немного легкого овощного супа, а он съел сэндвич с тунцом и остатки торта.

Кристина взяла его за руку:

– А может быть, останешься? Сможешь высказать свое мнение.

– Нет, оставлю вас наедине.

Маркус поцеловал ее в щеку и открыл дверь:

– Лорен, позаботься о ней. И передай от меня привет Джошу и детям.

– Передам, пока.

– Увидимся, милая.

Маркус улыбнулся еще раз на прощание и закрыл за собой дверь, а Лорен выпучила на Кристину глаза:

– Что происходит? Что случилось? Ты беременна?! Ах да, точно. Но что еще случилось?

Кристина попыталась улыбнуться, но почувствовала, что слезы предательски наворачиваются ей на глаза.

– Меня кое-что очень беспокоит.

Лорен нахмурилась, сразу посерьезнев:

– О нет, что-то серьезное? Что-то с ребенком? Ты плохо себя чувствуешь? Может быть, позвонить врачу?

– Да нет, дело совсем в другом, господи. Прости. Пойдем со мной, наверх.

Кристина пошла к лестнице, оглядываясь, чтобы проверить, идет ли Лорен за ней.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Со мной все нормально.

– Нет, ненормально. – Лорен шла на шаг позади нее, они поднимались по лестнице вместе, и Кристина цеплялась за перила, чтобы не упасть. Ее больше не тошнило, но внезапно она почувствовала жуткую усталость – так бывало почти каждый вечер. Она читала, что подобные приступы слабости типичны для первого триместра беременности, и не раз за эти два месяца она оказывалась не в состоянии проверять тетради или даже читать, потому что у нее просто закрывались глаза. Но сейчас ей нужно было держать глаза открытыми.

– Зачем мы идем наверх?

– Я хочу тебе кое-что показать и спросить твое мнение.

– О чем?

– Подожди, сама увидишь. Не хочу говорить.

– Но почему?

– Не хочу, чтобы ты была предвзята. Пойдем.

Кристина включила свет в кабинете Маркуса, которым он почти не пользовался. Одним из преимуществ бездетных пар является то, что у них много свободных комнат. И дом с четырьмя спальнями Кристины и Маркуса в Корнвелле пока только ждал, когда в нем появятся дети.

– А зачем мы пришли в Папочкин кабинет? Даже не вспомню, когда была здесь в прошлый раз.

– Затем, что здесь самый большой компьютер в доме.

– Ничего себе, какая роскошь. Сюда что – переехал Гринвич ^[3]?

Лорен разглядывала комнату с книжными шкафами, заполненными справочниками по строительству, рабочими файлами, биографиями в твердых обложках, экземплярами «Гольф Дайджест» и книгами о гольфе. Окно на правой стороне комнаты закрывали зеленые жалюзи, а на полу около окна была устроена маленькая искусственная площадка для гольфа с белой пластиковой лункой в конце и клюшкой фирмы «Callaway».

– Садись за стол, – Кристина махнула в сторону эргономичного кресла около гладкого орехового стола, на котором стоял самый навороченный, последней модели «Мак» с двадцатисемидюймовым экраном монитора. Маркус использовал его для работы в Excel и для игр, но сегодня компьютер должен был послужить куда более важной цели.

– Вы что, поссорились, ребята? – Лорен села и, как ребенок, начала крутиться в роскошном кресле.

– Нет. – Кристина дотянулась до мышки, включила компьютер, на котором появилась страничка SportsIllustrated.com. Она нашла сайт CNN, нажала на нужную новость, краем глаза успев отметить, что ничего нового там не добавилось после информации о медицинской пиле. Она нашла видео, но не стала его смотреть.

– Я хочу показать тебе одну видеозапись. Ее показывали сегодня, когда мы были в учительской, ну, про того серийного убийцу в Пенсильвании. – Кристине с трудом удалось выдавить из себя эти слова. – Пожалуйста, посмотри внимательно на того парня, которого арестовали, молодого блондина. А потом я покажу тебе еще кое-что.

– Ладно. – Лорен повернулась к компьютеру, Кристина нажала кнопку PLAY. Видео

пошло своим чередом: сначала полицейские окружают арестованного, потом можно разглядеть, как его ведут к машине, а потом пленник смотрит прямо в камеру... Кристина постаралась не выдать своих эмоций, когда арестованный блондин поднял голову и посмотрел в камеру, нажала стоп, остановив видео:

– Ты видишь это лицо?

– Конечно вижу, – кивнула Лорен.

– А теперь я тебе еще кое-что покажу.

Кристина вытащила из кармана свой айфон, нашла фото донора 3319 во взрослом возрасте и положила телефон на стол.

– Вот, посмотри. Это фото нашего донора.

Лорен опустила взгляд на экран телефона, но ничего не говорила, лицо ее вытянулось, губы сжались.

– Твое первое впечатление? – спросила Кристина и затаила дыхание.

Лорен посмотрела на фото, потом перевела взгляд на экран компьютера, потом снова на фото, видимо, проверяя себя.

– Ну?

– Ну, – Лорен подняла глаза, наморщив лоб, – они похожи. Ну, то есть – они слегка похожи друг на друга.

– Правда ведь? Ну, я имею в виду, что это ведь странно, ты должна признать, – Кристине стоило большого труда говорить громко – сил не было совсем, – наш донор выглядит как этот серийный убийца.

– Ага, я вижу, – Лорен сглотнула и взялась за мышку. Компьютер ожил, на экране появилось изображение арестованного.

– Давай сравним. – Кристина подсоединила телефон к компьютеру и разместила фото донора 3319 прямо рядом с лицом арестованного на мониторе. – Пожалуйста, скажи мне, что это не один и тот же самый парень.

– Нет, не один и тот же, – Лорен покачала головой, потом сцепила руки в замок: – То есть – ну очевидно же, что ваш донор не может быть серийным убийцей. Это просто невозможно.

– Вот и Маркус говорит то же самое. И я знаю – они проверяют своих доноров, – Кристина говорила так быстро, как будто за ней кто-то гнался. – Наш донор – студент-медик, а они не говорили про то, что арестованный студент-медик, но они нашли медицинскую пилу в его багажнике.

Лорен затрясла головой.

– Он действительно немного похож, теперь, когда ты сказала, я точно вижу. Но это не он. Ну, то есть – они могут быть братьями, например, ради всего святого. Да все что угодно может быть. И они не выглядят совсем уж одинаковыми, вот что самое главное.

– И какая между ними разница?

– Мне кажется, у парня, которого арестовали, более узкое лицо. Как будто он худее. Глаза очень похожи, но голубоглазые люди все похожи между собой. У всех у них глаза круглые, голубые, красивые. Как у кукол. Гойские глаза.

– Какие?

– Нееврейские глаза. WASP^[4]. Но слушай, это же страшно. Ты, должно быть, здорово испугалась.

Лорен взглянула на Кристину, нахмурившись, и Кристина прочитала у нее в глазах

сострадание.

– Я очень боюсь, что это один и тот же человек. Маркус так не думает.

Лорен снова взялась за мышку.

– Ну подожди, давай посмотрим. Как там зовут этого маньяка?

– Закари Джефкот.

– О'кей.

Лорен набрала в поисковике имя Закари Джефкот и стала искать фотографии. Экран запестрел фотографиями арестованного, Кристина пристально вглядывалась в каждое фото. Большинство из них были сделаны уже после ареста, поэтому на них было одинаковое освещение, а сам Закари был в одной и той же одежде. Было несколько фотографий мужчин с темными волосами, которые не имели к нему никакого отношения, и даже фото двух темнокожих мужчин. Но на большей части снимков все-таки был светловолосый пленник. Кристина вдруг ощутила холодный ужас, разглядывая все эти фото, каждое из которых казалось деталью одного огромного страшного паззла – что-то во всем этом было сродни ночному кошмару.

– Так, – сказала Лорен, продолжая поиски, – теперь посмотрим на Фейсбуке.

– Ты серьезно? Серийный убийца – на Фейсбуке?

– А почему нет? На Фейсбуке есть все.

Лорен зашла на Фейсбук, напечатала свое имя и пароль, а затем набрала имя Закари Джефкота – и на экране появился список страничек Закари Джефкотов. Здесь были семейные мужчины, которые выглядели значительно старше, несколько афро-американцев, но большинство страничек были закрыты и без фотографий.

– Единственное, что я о нем знаю, это что он из Невады и что он учится в медицинском колледже. Я не знаю ни города, где он живет, ни когда он поступил в колледж, они нам этого не говорили.

– Хмम्म... – Лорен пробиралась сквозь лес поднятых вверх больших пальцев. – Не вижу никого из Невады. И никого из медицинского колледжа. Но ведь он должен быть на Фейсбуке – он молод и красив, и он студент-медик.

– Он мог сделать настройки приватными.

– Точно, – Лорен вышла с Фейсбука и зашла в Инстаграм, набрав свой ник и пароль. – Ну а вдруг? Проверить-то никогда не помешает, верно?

– Верно, – Кристина смотрела на экран, желудок все еще давал о себе знать.

– О'кей, в Инстаграме его тоже нет – по крайней мере под своим именем. Давай-ка проверим Твиттер. – Пальцы Лорен забегали по клавиатуре, и Кристина почувствовала горячую волну благодарности к своей лучшей подруге.

– Что бы я делала без тебя?

– Без меня тебе пришлось бы сегодня на вечеринке есть кокосовый торт, а я знаю, как ты его ненавидишь! – Лорен покачала головой, не отрывая взгляда от экрана компьютера: – Не вижу его. Но не может же быть, чтобы его не было ни в одной социальной сети? То есть – ведь все сидят в социальных сетях, особенно молодые люди его поколения.

– Необязательно. Некоторые принципиально бойкотируют соцсети. Не все же в мире учителя.

Кристина пыталась разрядить обстановку шуткой: они часто шутили, что учителя помешаны на соцсетях даже больше, чем подростки, но социальные сети помогали им составлять учебные планы, обсуждать новые методики преподавания, обмениваться

ссылками на последние дурацкие распоряжения руководства, что позволяло им сообща противостоять Общему Врагу.

– Это правда, – Лорен усмехнулась.

– И потом – не думаю, что тот факт, что мы его не нашли, что-либо значит. Мы же знаем, что учителя часто скрывают свои имена в сети, чтобы администрация их не узнала. Вот и он может называть себя как-нибудь вроде Мотоциклиста или Красного Фаната – да любым именем. – Кристина все больше верила в то, что говорила. – Вот как у Маркуса – у него есть профессиональная страничка на Фейсбуке, но еще у него есть страничка «Отряд Золотого Медведя» – там все его друзья по гольфу.

– Я об этом не знала.

– Ну, ты же знаешь – он любит Джека Никлоса.

Кристина махнула рукой в сторону сокровищ Маркуса – памятные сувениры со спортивных мероприятий, постер Кубка США по гольфу с автографом Джека Никлоса, цветная фотография гольфиста, на которой золотом выбито его прозвище: Золотой Медведь.

– Трогательно. А зачем им страничка на Фейсбуке?

– Они размещают там видео своих достижений и критикуют друг друга.

– Неожиданно, – хмыкнула Лорен. – Но в любом случае – что касается вашего донора... не думаю, что его действительно нет в соцсетях. Я не собираюсь сдаваться.

– Если только... если только он не солгал в банке спермы, – вдруг сказала Кристина – эта мысль неожиданно пришла ей в голову. – Я уверена, они не могут проверить все, что говорит донор. И если кому-то нужно обмануть или что-то скрыть – он может это сделать.

– Но ведь они наверняка дают им какие-нибудь тесты на правдивость, так что это не так легко.

– Да, наверно. Вот, посмотри, это его характеристика.

Кристина открыла профиль донора 3319.

– Я помню, я это уже видела, – сказала Лорен, хмурясь по мере чтения бумаг, потом подняла голову. – Знаешь, может быть, стоит позвонить в этот банк и просто рассказать им о том, что тебя беспокоит.

– В Хоумстед? Да нет, там все по-другому устроено. Я вообще с ними напрямую никогда не связывалась – доктор Давидоу вел переговоры, я вообще никогда не общалась с ними.

– Тогда позвони ему.

– Ты думаешь? – Кристина взглянула на часы на компьютере, которые показывали 7:45. – Но уже поздно.

– Так оставь ему сообщение. Это же не срочно. Просто скажи, что у тебя есть вопрос по поводу вашего донора, – Лорен взяла ее за руку и слегка сжала: – Милая... Я понимаю, как сильно ты боишься – именно поэтому советую тебе позвонить. Хотя если ты спросишь меня – я отвечу, что это все-таки не один и тот же человек.

– Ладно. Я позвоню. Подожди секундочку.

Кристина взяла свой телефон, зашла в контакты и выбрала телефон доктора Давидоу. Всего два гудка – и на том конце взяли трубку.

– Алло? – Голос доктора Давидоу звучал приветливо. – Кристина, привет!

– Здравствуйте, доктор Давидоу. – Кристина слышала, как звенит от волнения ее голос. Доктор так хорошо к ней относился и так много сделал для них. – Простите, что беспокою.

– Ничего страшного. Как вы? Чем могу помочь?

– Вы не будете возражать, если я включу громкую связь? Здесь моя подруга Лорен, и я

хотела бы, чтобы она тоже могла слышать наш разговор.

– Конечно, без проблем.

– Отлично, спасибо. – Кристина нажала кнопку громкой связи. – Вы меня слышите?

– Да, – ответил доктор Давидоу, его голос эхом разнесся по комнате. – Итак, в чем проблема? Как вы себя чувствуете?

– Я в полном порядке, но я тут случайно наткнулась на новости по телевизору сегодня, об аресте серийного убийцы, и вот когда я смотрела видеозапись – мне показалось, что этот серийный убийца... что это наш донор, – Кристина чувствовала себя глуповато, но все же продолжила: – Я понимаю, это звучит глупо и странно, но мне кажется, я его узнала – по тем двум фотографиям, где он ребенок и где взрослый. Это вообще возможно?

Доктор Давидоу ответил не сразу:

– Вы хотите сказать, что узнали его по присланной вам взрослой фотографии?

– Не могу утверждать это, но да. Он очень похож.

– С каким банком вы сотрудничали? – голос доктора Давидоу звучал еле слышно, он подрастерял свою обычную звучность.

– Хоумстед.

– Ваш донор вступил в программу «Открытое лицо»?

– Нет, он пожелал остаться анонимным. Как-то можно узнать и проверить, какое имя он указал? Имя убийцы – Закари Джефкот.

– У нас нет имени вашего донора. Если он сдавал сперму анонимно – то его имя неизвестно клинике «Начало Семьи». У нас есть только та информация, которую дал нам банк.

– О, я этого не знала. – Кристина взглянула на Лорен, которая разочарованно закусил губу и покачала головой. – Я думала, у вас должны быть хоть какие-то данные.

– Нет, это совершенно не контролируется. Мы посылаем запрос от вас и получаем образец материала в замороженном состоянии. Донор, материал, доставка – этим всем занимается банк. Но, к счастью, банк Хоумстед имеет отличную репутацию. Я даже признаюсь вам, что моя собственная сестра пользовалась их услугами и дважды беременела от одного и того же донора, так что ее дети являются биологическими родственниками.

– Правда? – Кристина этого не знала.

– Да, я сам направил ее к ним – это был мой выбор. Хоумстед – один из самых лучших банков в стране. Из двадцати пяти тысяч потенциальных доноров отбор у них проходит менее одного процента – чтобы вы лучше представляли себе, о чем идет речь, скажу: в Гарвард из двадцати пяти тысяч желающих поступает около шести процентов. Другими словами, в Гарвард попасть проще, чем в Хоумстед.

– О... – Кристина слушала со вниманием, но беспокойство все еще не оставляло ее. Она в свое время отметила, что Хоумстед имеет свои офисы в Кэмбридже, Нью-Хэвене, Чикаго, Филадельфии и Пало Альто, и еще тогда подумала, что, наверно, не случайно они все расположены неподалеку от самых престижных учебных заведений.

Лорен склонилась к микрофону телефона:

– Доктор Давидоу, я Лорен. Так вы хотите сказать, что вы фактически выполняете в этой сделке функции брокера?

– Да, хотя я бы так не выразился. – Доктор Давидоу хмыкнул. – Кристина, скажите мне номер вашего донора.

– Три три один девять, – Кристина и Лорен обменялись взглядами.

– Секундочку, я загляну в свой компьютер, – доктор Давидоу помолчал немного, потом продолжил: – Так, хорошо, я только что залогинился на сайте Хоумстеда и вижу, что сперма донора 3319 находится в доступе. Вы рядом с компьютером?

– Конечно, минутку. – Кристина повернулась к клавиатуре, зашла на сайт Хоумстеда и набрала свое имя и пароль. Она забила в поисковик номер 3319 – и на экране появились данные донора. «Еще один анонимный донор, сперма доступна. Закажите прямо сейчас!»

– Видите, он доступен. Хоумстед обязательно убрал бы материал с полок, если бы его арестовали.

Кристина задумалась.

– Но ведь они необязательно видели тот репортаж, который видела я – все случилось только сегодня днем. И что вы подразумеваете под этим «убрали бы с полок материал»? Разве уже когда-нибудь случалось, чтобы банк «убирал материал какого-то донора с полок»?

– Да, такое бывает, но очень редко, когда обнаруживается, что донор является носителем дефектных генов. Несколько лет назад одна из моих пациенток родила ребенка с врожденной патологией ног – сильной косолапостью, я информировал об этом банк – и они убрали материал этого донора из доступа.

– Это был Хоумстед?

– Нет. Кристина, я думаю, вам не стоит беспокоиться, но я позвоню в Хоумстед и передам им ваши опасения.

– Было бы замечательно.

Лорен склонилась к микрофону:

– Доктор, а она сама не может им позвонить?

– Нет, лучше я. Я обязан сообщать им о возникающих с материалом проблемах и отклонениях, так что лучше пусть эту информацию они получают из нашего офиса. – Доктор Давидоу помолчал. – Кристина, я вам перезвоню сразу после того, как поговорю с ними.

– Спасибо, но... доктор Давидоу, могу я спросить: какого рода проверки проходят доноры? Какие сдают анализы, тесты?

– Их довольно серьезно обследуют, особенное значение придают анализам крови. Я понимаю ваши опасения, но не думаю, что вам стоит беспокоиться слишком сильно. Как я уже говорил, это один из лучших банков в стране. А проверяют доноров примерно так же, как мы обследуем наших доноров яйцеклеток: анализы крови на ВИЧ, РВ, ЗППП, на болезнь Тея-Сакса и тому подобные отклонения, а потом обязательное интервью, которое проводит Мишель, чтобы оценить кандидата с точки зрения психологии.

– То есть Мишель проводит с ними сеансы – как со мной и Маркусом?

– Именно, и я абсолютно доверяю ее мнению. Вы сами знаете, какой она профессионал. Если она не ставит на данных кандидата А+ – этот кандидат не станет донором яйцеклетки.

– И что может стать причиной для этого?

– Хmmm, дайте сообразить... – доктор Давидоу сделал паузу, щелкая языком. – Если потенциальный донор яйцеклетки говорит, что на самом деле хотела бы быть матерью – Мишель ее исключает. Нам не нужны те, кто мечтает о материнстве. Нам нужны те, кто хочет отдать свои яйцеклетки женщине, которая хочет стать матерью. Вы понимаете меня?

– Да, – Кристине хотелось, чтобы ее сомнения развеялись, но пока этого не происходило. – А вы не в курсе, часто ли психологи в банках спермы отказывают потенциальным донорам?

– Нет, я не в курсе.

Лорен нахмурилась.

– Давидоу, похоже, что доноров яйцеклеток проверяют куда более дотошно, чем доноров спермы. Это так?

– Думаю, некоторая асимметрия действительно присутствует, но не хочу обманывать. Я сам могу отвечать только за то, что происходит в моей клинике. Я занимаюсь яйцеклетками, поэтому внимательно слежу и несу ответственность за доноров яйцеклеток, которых мы отбираем, и за теми методами, которые применяются при заборе и пересадке клеток. Мы в нашей клинике не собираем сперму. Но, как я уже говорил, Хоумстед имеет великолепную репутацию среди банков спермы.

– У вас когда-нибудь возникали с ними какие-нибудь проблемы? – спросила Кристина.

– Нет, никаких, – доктор Давидоу кашлянул. – Я позвоню в Хоумстед сразу же после нашего с вами разговора. Вряд ли удастся с ними связаться уже сегодня, потому что они уже закрыты, но как только удастся с ними поговорить – я сразу же перезвоню вам.

– Отлично, спасибо вам большое.

– И все же – как вы себя чувствуете?

– Отлично. Немного подташнивает, но в целом нормально.

Доктор Давидоу хмыкнул:

– Во время беременности тошнота – это хороший признак. Ладно, я вам перезвоню.

– Буду ждать, спасибо. А пока – до свидания.

– Спокойной ночи. – Кристина нажала на кнопку «конец связи», затем взглянула в глаза Лорен. – Он воспринял все всерьез.

– Как и должен был.

– Жаль, что он не сказал, что это все ерунда на постном масле.

Кристина шутила только наполовину, и Лорен хлопала ее по руке.

– Я не могу считать то, что беспокоит тебя, ерундой. Но ты уже сделала все, что могла сделать, и я думаю, что тебе пора уже отдыхать.

– Я попытаюсь.

Вот только Кристина сильно сомневалась, что у нее это получится.

Кристина проснулась в своей спальне. Она лежала прямо поверх покрывала, и одежда ее была мокрой от пота. Лэптоп был открыт, а около него валялись незаконченные сводные листы учеников – она заполняла такие листы для каждого из своих учеников, чтобы отметить достижения за год, проследить динамику и дать рекомендации им и их родителям на каникулы. Мерфи сопел у нее в ногах, а в ванной, она слышала, лилась вода: значит, Маркус вернулся домой и принимал душ. Она приподнялась на локте, постепенно приходя в себя и соображая, что, видимо, заснула во время работы, несмотря на то что на часах было всего девять сорок пять. Раньше она была совой, часто засиживалась допоздна, чтобы посмотреть Джимми Фэллона, но первый триместр беременности превратил ее в самого настоящего жаворонка. Машинально она положила руку на живот и подумала, что ребенок, наверно, уже скоро начнет шевелиться. При этой мысли ее затопило волной счастья, и она блаженно откинулась обратно на мягкие подушки. Спальня была такая уютная – небесно-голубой цвет, в который она была выкрашена, давал ощущение прохлады и покоя, синие гортензии на покрывале гармонировали с занавесками, закрывающими трехстворчатое окно, выходящее на улицу, с белыми ставнями. Потолок был выкрашен сливочно-белой краской, и Кристина чувствовала себя словно на облаках – ей даже захотелось прочитать благодарственную молитву.

Ее взгляд упал на лэптоп, экран у него был черный – значит, он перешел в спящий режим.

И тут она вспомнила.

Донор 3319. Закари Джефкот.

Желудок у нее незамедлительно сжался, она схватила телефон с прикроватной тумбочки и проверила экран – доктор Давидоу не звонил. Она убедилась, что звонок включен – на всякий случай, а потом снова легла, сжимая телефон в руке. Ей хотелось позвонить матери и поговорить с ней, а может быть, даже поехать к родителям в Мидлтон, где она выросла – но не стоило беспокоить маму, которой и так доставалось, ведь она вынуждена была ухаживать за отцом, страдающим синдромом Альцгеймера.

Кристина напонила себе слова доктора Давидоу, что Хоумстед – один из лучших банков в стране, о том, что они отбирают только самых лучших доноров, о том, что даже его собственная сестра обращалась к ним и дважды беременела от одного и того же донора. Впервые услышав о возможности искусственного оплодотворения донорской спермой, Кристина, помнится, была шокирована и смущена. Но это поначалу – пока она не стала частью этого особенного мира и не провела много часов в приемной, ожидая своей очереди у врача и беседуя с другими такими же, как она, женщинами о подвижности сперматозоидов и вагинальной смазке. Говорили они на малопонятном жаргоне своеобразного клуба, в который вряд ли кто-нибудь захотел бы вступить по собственной воле. Со временем Кристина поняла, что все эти женщины готовы буквально на любые жертвы и сложности ради одной великой цели – ребенка. Семьи.

Очень многое в процессе узнавания этого мира было для Кристины неожиданным, а иногда – и прямо противоположным ее ожиданиям. Например, она думала, что в приемной врача будет куча различных проспектов и плакатов с пухлыми розовощекими младенцами, призванными рекламировать достижения клиники в этой области. Но в декоре «Начала

Семьи» вообще отсутствовали какие-либо напоминания о детях, на стенах висели акварельные пейзажи, а на столиках лежали обычные глянцевые журналы, не имеющие отношения к детям и родительству. Более того – небольшое объявление на двери гласило: «Чтобы не травмировать других пациентов, убедительная просьба не приносить и не приводить с собой детей в нашу клинику». Когда проходили месяц за месяцем, а Кристине так и не удавалось забеременеть – она смогла в полной мере оценить эту деликатность и мудрость: для нее было бы невыносимо увидеть новорожденного в приемной, ей с трудом удавалось удержаться от слез даже в магазине при виде улыбающегося младенца со складочками на ножках, сидящего в детском сиденье тележки. Ничего и никогда в жизни Кристина не хотела так, как ребенка, это желание было всепоглощающим и сжигало ее изнутри – организм не в силах был сопротивляться основному инстинкту, заложенному к ДНК каждого живого существа. В глубине души она всегда верила, что сможет забеременеть – и вот это наконец-то свершилось. И она была самой счастливой женщиной на свете – до того момента, как увидела этот репортаж по CNN.

– Привет. – Маркус вышел из ванной, обернув голубое полотенце вокруг талии. Тело у него было ухоженное, плечи – широкие, с выраженными бицепсами, а торс сужался книзу, где начиналось голубое полотенце. Влажные волосы были зачесаны назад и казались сейчас почти каштановыми, на груди поблескивали капельки воды.

– О, привет. – Кристина выдавила улыбку и подтянулась чуть вверх, к спинке кровати, обитой тканью с гортензиями, – Как поиграл?

– Так себе.

– Что случилось?!

Кристина была удивлена – обычно после таких игр Маркус чувствовал себя превосходно, они помогали ему сбросить стресс, отдохнуть, расслабиться, и лучшие моменты в постели у них случались как раз после таких вот его походов на игровую площадку.

– Тебя же не интересует гольф.

– Нет. Но меня интересуешь ты.

Кристина похлопала по кровати рядом с собой, и Маркус присел, показывая ей ладонь, розовую и большую, все кончики пальцев были заклеены пластырем.

– Видишь, какая красная? Слишком крепко сжал. Прямо какая-то мертвая хватка. Теперь вот надо восстанавливаться. Так что вечер был не слишком удачным. У всех бывают не слишком удачные вечера.

– Конечно, бывают, – Кристина видела, что он не хочет это обсуждать, поэтому не стала продолжать. Маркус был очень чувствительным человеком, несмотря на свою брутальную внешность, и когда у него было такое настроение – лучше было говорить поменьше. Его покойная мать, Барбара – Биби Нилссон, чудесная женщина и опытная наездница, называла его когда-то «тяжеловозиком», намекая на то, что тело у него большое и сильное, но внутри он очень мягкий. Кристина вряд ли использовала бы это прозвище для него, но она понимала, что оно дано с любовью. Барбару она знала недолго – всего через год после их знакомства та внезапно умерла от аневризмы, но к ней Кристина испытывала куда большую симпатию, чем к своему свекру Фредерику, который стал встречаться с женщинами почти сразу после похорон жены и очень скоро вступил в брак с одной из них.

– А ты, кажется, задремала тут, да?

– Да, я совершенно без сил.

– Есть хочешь? Хочешь, я принесу что-нибудь снизу?

– Нет. А ты ел? Я так ужасно виновата – боюсь, там внизу и нет никакой еды. Я собиралась заехать за продуктами после школы, но тут эта вечеринка...

– Не переживай – там еще остался торт. А еще у меня есть маленький пирожок, – Маркус погладил ее по животу, который все еще был совершенно плоским.

Они познакомились в первый ее год работы в колледже, когда он появился в ее классе. Она сразу обратила на него внимание – увидев, как он берет рюкзак и как при этом у него на предплечье напрягаются не две, а три мышцы. Это была страсть с первого взгляда, хотя настоящая любовь пришла позже, при более близком знакомстве. Они поженились семь лет назад и все эти годы жили душа в душу.

– Ну, и что думает Лорен? По поводу нашего донора?

– Она не считает, что это один и тот же человек. И кстати – мы позвонили доктору Давидоу и все ему рассказали.

– Серьезно? – Маркус закусил губу. – И что он сказал?

– Он сказал, что позвонит в Хоумстед, а потом перезвонит нам. Оказывается, только они знают личность этого донора, а наш доктор всего лишь брокер.

– Я знал об этом.

– А я нет, – Кристина моргнула, чувствуя, что ей не хватает слов. Ей это ощущение не нравилось, она всегда сочувствовала своим ученикам, которые испытывали то же самое, пытаясь читать. Большинство из них заикались или не могли различать слова, и это заставляло их чувствовать себя глупыми и убогими – при том что у них не было дислексии или других серьезных расстройств, связанных с чтением.

– А доктор Давидоу что-нибудь сказал про то, как тестируют доноров?

– Не совсем, – Кристина видела боль, искажившую лицо Маркуса, и чувствовала вину за то, что им приходится вообще говорить обо всем этом, – на самом деле я уже не так сильно беспокоюсь из-за этой истории. Я думаю, это была ложная тревога. И мне стало гораздо легче после разговора с ним.

– Это хорошо. – Маркус приподнял одну бровь. – Я боялся, что Лорен тебя еще сильнее разволнует.

– Нет, этого не произошло. Она выслушала меня, но не увеличила степень моего сумасшествия.

– Отлично. Мне нравится как раз такая степень, которая у тебя сейчас.

– И мне тоже. – Кристина взяла его за руку, погладила бицепс, такой крепкий и упругий.

– Боже, я тоже совершенно без сил, – простонал Маркус без улыбки, и Кристина поняла, что это был знак: сегодня он не настроен заниматься любовью. У нее самой тоже не было особого желания, поэтому она не стала настаивать. В сексе у них все было замечательно до того момента, как они решили зачать ребенка и думали, что проблема в Кристине – тогда развлечение и удовольствие превратилось в работу, целью которой было одно: беременность. Еще хуже стало после того, как диагностировали проблемы у Маркуса: он потерял интерес к сексу, пару раз у него даже случались осечки, он не мог заниматься любовью. Только в последнее время эта сторона жизни наконец начала у них снова налаживаться – но Кристина опасалась, что сегодняшняя история с донором 3319 на пользу им в постели не пойдет.

– Мне очень нравится доктор Давидоу, – сказала она, – он очень серьезно меня выслушал – но при этом не устроил панику.

– Потому что для паники нет абсолютно никаких причин.

– Он мне сказал, что если бы с нашим донором обнаружили какие-нибудь проблемы –

его сперму тут же убрали из доступа.

– Логично, – Маркус кивнул, приподняв брови, а Кристина взяла свой лэптоп и нажала ENTER.

– Да, они убирают из доступа сперму, если от донора родится ребенок с косолапостью или косоглазием, как-то так.

– Интересно.

– Ага.

Кристине было приятно, что она знает чего-то, чего он не знал. Она вышла с сайта Натмег Хилл и вернулась на сайт Хоумстеда, забив в поисковик «донор 3319». До того как уснуть, она проверяла его профиль чуть ли не каждые пятнадцать минут.

– Доктор говорит, что, видимо, никаких проблем нет, раз его сперма все еще в доступе.

Кристина кликнула на страничку донора 3319 и застыла как вкопанная, глядя на экран. Теперь страничка выглядела немного по-другому – там было написано: «Сперма временно недоступна! Приносим свои извинения».

– О господи! Нет! – только и смогла выдохнуть Кристина пораженно.

– Куда ты звонишь? – спросила Кристина, глядя, как Маркус нажимает кнопки на своем мобильнике. Он по-прежнему был в полотенце. Телефон он схватил сразу же, как только она показала ему объявление о том, что сперма недоступна. Сам он не выглядел расстроенным или встревоженным, но он понимал, что Кристина была близка к панике: во рту у нее пересохло, сердце билось как сумасшедшее. Она без конца обновляла страничку на экране ноутбука в тщетной надежде, что это был какой-то сбой и что вот сейчас все встанет на свои места.

– Я звоню в Хоумстед.

– Но они работают с Давидоу.

– Хоумстед продал сперму нам – они несут перед нами ответственность, – Маркус поднес телефон к уху.

– Но, может быть, сначала позвоним доктору? – у Кристины путались мысли. Ее обуревали самые разные эмоции: страх, разочарование, отчаяние, шок. И она не понимала, что ей делать – и делать ли что-нибудь вообще. Тошнота вернулась – и было не понятно, тошнит ли ее от беременности или от страха, а скорей всего – и от того, и от другого.

– Вот уж не собираюсь ни у кого спрашивать разрешения, чтобы узнать то, что я должен знать.

– Да не о разрешении речь – а просто узнать, может быть, он уже с ними разговаривал, – Кристина сама не понимала, зачем вмешивается. Маркус всегда отлично действовал в момент опасности – у него была отличная логика и великолепная реакция. Он был архитектором и работал в строительной фирме – и ему требовалось недюжинное терпение, чтобы выдерживать связанные с работой стрессы и сложности, при этом уделяя внимание таким важным аспектам, как электрика, системы отопления и энергосбережения, которыми в последнее время его фирма занималась особенно активно.

– Наверняка Давидоу им уже позвонил. Потому что уж слишком невероятное совпадение – что наш донор пропал из доступа прямо после твоего разговора с доктором.

Кристина не могла не признать, что Маркус прав. И все же она никак не могла собраться с мыслями.

Маркус сказал в трубку:

– Здравствуйте, меня зовут Маркус Нилссон, и моя жена прошла процедуру искусственного оплодотворения спермой вашего донора 3319 около двух месяцев назад. Я хотел бы поговорить с кем-нибудь относительно него. Да, я подожду на линии, соедините меня с заместителем директора.

Кристина выпрямилась в постели, изо всех сил стараясь собраться.

– Ты можешь включить громкую связь?

– Да, – Маркус включил громкую связь, и почти сразу раздался женский голос:

– Мистер Нилссон, это Ли Энн Демипетто. Чем могу помочь?

– Моя жена воспользовалась спермой вашего донора 3319, срок ее беременности два месяца. Мы смотрели сегодня новости, молодой человек по имени Закари Джефкот был арестован по подозрению в серийных убийствах сегодня в Пенсильвании, и моей жене кажется, что этот убийца – наш донор. Только что мы выяснили, что сперма донора 3319 изъята из доступа. Мы бы хотели узнать, не является ли донором 3319 Закари Джефкот.

– Мистер Нилссон, я сегодня разговаривала по телефону с доктором Давидоу, и он изложил мне ваши опасения. Мы собираемся всесторонне исследовать этот вопрос и приняли решение, что в создавшихся обстоятельствах будет правильно удалить пока донора 3319 из списка потенциальных доноров.

– Вы не ответили на мой вопрос. Донор 3319 – это Закари Джефкот или нет?

Кристина пыталась соблюдать спокойствие во время этого разговора, но паника разрасталась внутри нее и холодным комом уже стояла в горле. Маркус был встревожен – а она была просто в ужасе.

– Мистер Нилссон, я прошу прощения, но мы не можем предоставить вам эту информацию. Если вы обратитесь к контракту, который подписали с Хоумстедом...

– Я не подписывал никаких контрактов.

– Передо мной сейчас файл, и там под контрактом стоит ваша подпись. Я вижу скан вашей подписи и подписи вашей жены. Вероятно, это сделал за вас доктор Давидоу или кто-то из его помощников.

Кристина помнила их подписи на контракте, четыре странички мелкого шрифта. Она не могла вспомнить, что в нем было написано – вряд ли она его читала, но она подписала бы все, что могло помочь ей завести ребенка.

– Мистер Нилссон, вы не будете так любезны перечитать контракт прямо сейчас? А конкретно параграф двадцать седьмой вашего соглашения, в котором предельно ясно написано: «Хоумстед ни при каких обстоятельствах не предоставляет информации о личности донора третьим лицам, включая родителей детей, зачатых при помощи его спермы».

– Значит, вы не ответите на мой вопрос?

– Нет, я не могу. В контракте все очень доходчиво написано. И кроме того – у нас есть договор с 3319, по которому мы гарантируем ему полную анонимность в любых обстоятельствах.

– И вы мне не скажете? – Маркус повысил голос.

– Я обязана соблюдать гарантии, данные 3319.

– Гарантии, данные серийному убийце?! А как насчет меня – клиента, который вам деньги заплатил? Насчет нас?

– В любых обстоятельствах, мистер Нилссон.

У Кристины сердце готово было выпрыгнуть из груди. Эта Димипетто... ее голос звучал так уверенно – она как будто готовилась к этому звонку.

– Мистер Нилссон, краеугольным камнем нашей успешной работы является то, что мы гарантируем нашим донорам спермы и яйцеклеток анонимность – так работает не только Хоумстед, так работают все банки страны. В своем интервью донор 3319 четко указал, что не желает нарушать свою анонимность по причине религиозных убеждений своих родителей, которые противоречат его собственным.

Маркус фыркнул.

– Интересно, какие религиозные убеждения может иметь маньяк-убийца?!

– Я понимаю ваши опасения, и мы надеемся, что вы поймете нас. Хоумстед помогает забеременеть двенадцати тысячам женщин в год, и для нас очень важно, чтобы все было законно. Анонимность наших доноров – это основа основ...

– Вы можете хотя бы назвать мне дату его рождения?

– Нет.

- Место рождения?
- Нет.
- Хотя бы – когда он сдал сперму?
- Я не могу вам это сказать.
- Но вы можете подтвердить, что он поступил в медицинский колледж? В своем резюме он это утверждает.

– Вся информация, которую мы указываем в профиле наших доноров, проверяется на момент заполнения профиля. Мы не можем отслеживать судьбу наших доноров в будущем – вы сами понимаете, это не в нашей компетенции.

Кристина прислонилась к спинке кровати, чувствуя, что силы окончательно покидают ее. Она пыталась уложить в голове то, что слышала, шокированная до глубины души.

– Нет, не понимаю, – Маркус не сдавался, он уже закусил удила. – Я считаю, вы несете за них ответственность. Я сам бизнесмен и всегда забочусь об отношениях со своими клиентами.

– Хоумстед не бизнес, так что...

– Да конечно бизнес! Вы продали мне сперму. Какие обследования вы проводите в отношении своих доноров, подробно, пожалуйста!

– Мы делаем анализы на хламидии, ВИЧ, гепатит В, гонорею, гепатит С, сифилис. Мы также проводим генетический тест на муковисцидоз, спинальную мышечную атрофию и различные гемоглобины для исключения талассосемии. Мы делаем стандартный общий анализ крови и анализ на группу крови. Если вы посмотрите на пункт семнадцать вашего контракта, то увидите, что сперма проходит тесты на...

– Я сейчас не про кровь и не про сперму говорю. В данной ситуации речь идет о серийном убийце. Вы проверяете доноров на причастие к криминалу?

– Да.

– То есть вы проверяете, не числятся ли ваши доноры в картотеках преступников?

– Да, и если вдруг обнаруживается нечто незаконное – мы отказываем таким донорам.

– Значит, донор 3319 криминального прошлого не имеет?

– Как я уже сказала, криминальное прошлое является препятствием для потенциальных доноров.

Маркус покачал головой:

– Конечно, это не совсем ответ на мой вопрос, но ладно.

Кристине на телефон пришло сообщение от Лорен, она скосила глаза на экран: «Позвони мне. Изменения на сайте». Кристина взяла телефон и напечатала ответ: «Знаю. Говорим с ними».

Маркус продолжал допрос Демипетто:

– Вы проводите психиатрические обследования?

– Мы собираем информацию о наличии у ближайших родственников душевных болезней, таких как шизофрения или биполярное расстройство. Это указано в профилях наших доноров.

– Но ведь эта информация записывается со слов самих доноров!

– Да. И мы пишем об этом в каждом профиле, включая и профиль 3319. Там написано: «Вся информация о семье и наследственных заболеваниях записывается со слов донора. Мы работаем с каждым донором и стараемся получать как можно более достоверную информацию, но не можем полностью исключить наличия в роду у донора заболеваний, о

которых он может не знать или умалчивать».

– Вы не слышите меня. Я говорю не о медицинской информации.

– Я понимаю, речь идет о так называемой «другой» информации, куда входят аресты и незаконная деятельность, алкоголизм и употребление наркотических веществ, а также случаи заболевания раком или другими болезнями. Мы не можем гарантировать, что в роду донора этого не было, так же как не можем и...

– Но серийный убийца! У него же явно должны быть серьезные психологические проблемы! Социопатия, например, – Маркус снова повысил голос, но взял себя в руки. – Как же вы могли этого не заметить? Какие тесты вы используете, чтобы выявить психологические проблемы?

– В Хоумстеде практикуют тесты Майерс-Бриггса...

– Это же тесты, которые проводят при приеме на работу!

– Их существует много вариантов, и они помогают классифицировать темперамент, а это интересует многих наших потенциальных клиентов...

– Но там ведь вопросы составлены таким образом, что даже идиот может понять, как надо отвечать, чтобы получить нужный результат! Если я отвечаю, что люблю людей и легко завожу друзей – я экстраверт. Человек, который достаточно умен для того, чтобы совершить несколько убийств, такой тест пройдет с легкостью!

– Мы редко сталкиваемся с намеренным обманом...

– Значит, вот как мы защищены? Как же мы можем доверять вашему продукту?! – Маркус резким движением отбросил влажные волосы назад. – Донор 3319 действительно был студентом-медиком? Вы проверяли эту информацию или тоже поверили ему на слово?

– Мы можем гарантировать, что на момент подачи им заявления и его интервью донор 3319 действительно был принят в качестве студента в одно из ведущих медицинских заведений. Хочу заверить вас, что мы уже завтра начнем расследование того, что произошло, и...

– И как долго оно будет длиться, это ваше расследование? – Маркус взмахнул свободной рукой. – У вас есть файл, документ, в котором содержится вся информация о личности донора 3319. На то, чтобы ответить на мой вопрос, вам нужно ровно три минуты. Просто скажите мне – он это или нет.

– Я не могу этого сделать, мистер Нилссон.

– Вы поэтому убрали его из доноров? Потому что просмотрели файл и увидели, что Донор 3319 – это Закари Джефкот?

Кристина даже думать не хотела о том, что говорил Маркус, ее страшно пугала даже сама мысль об этом. Он вел себя так, как будто все это было правдой. Как будто они убрали сперму донора из доступа потому, что точно знали: все это правда. Как будто они не говорили правды потому, что просто хотели сохранить ее в секрете. А единственное, что им действительно требовалось сохранить в тайне – это факт, что донор 3319 действительно является Закари Джефкотом.

Мерфи смотрел на нее, положив голову на лапы.

– Мистер Нилссон, мы убрали материал донора 3319 из общего доступа в связи с невыясненными обстоятельствами. Должна уточнить: тех двух запасных образцов, которые вы оплатили ранее, это тоже касается.

– Какие еще запасные образцы? – Маркус нахмурился, но Кристина понимала, о чем говорит миссис Демипетто. Когда они выбрали донора 3319, они заказали стандартный сет

из трех порций спермы – на случай, если вдруг беременность не наступит после первой процедуры. И теперь они платили за хранение запасных пробирок со спермой – Кристина не так давно подписывала чек.

– Мистер Нилссон, советую вновь обратиться к контракту, параграф пятнадцать нашего соглашения гласит: «Я понимаю, что права на все запасные образцы принадлежат Хоумстеду и Хоумстед имеет право использовать их по своему усмотрению, если это необходимо, при возникновении непредвиденных обстоятельств с соблюдением всех необходимых формальностей и конфиденциальности. В случае, если Хоумстед использует выбранные мною образцы, он обязуется вернуть стоимость образцов, но без учета расходов на их хранение».

– Так у нас что, «непредвиденные обстоятельства»?

– Конечно, именно это определение подходит больше всего. Мы разделяем ваши опасения.

– Нет, не разделяете. Вы просто не можете этого сделать. Вы защищаете своего донора. Моя жена беременна! И только нам с ней всю жизнь тянуть теперь эту ляпку!

Кристина при этих словах Маркуса невольно съежилась. Она в жизни не выразилась бы так о ребенке. И ей в голову не приходило, что он может воспринимать это таким образом.

– Ответьте мне, – продолжал Маркус. – Как давно вы используете сперму донора 3319?

– Мы не раскрываем такую информацию.

– А как насчет других женщин, которые уже воспользовались его спермой? Ведь наверняка есть другие!

– Мы не раскрываем такую информацию. Но должна заметить, что в отношении числа образцов одного донора мы обычно придерживаемся умеренности.

– А Хоумстед собирается сообщить этим женщинам о том, что донор 3319 это Джефкот? Вы им сообщите?

Демипетто колебалась.

– Это... не в моей компетенции, мистер Нилссон. Сомневаюсь, что нам уже приходилось сталкиваться с подобной ситуацией – когда донора арестовывали за совершенное преступление.

– Не просто преступление, а серийное убийство! Три женщины убиты! Медсестры! А он говорил, что студент-медик. Вам не кажется, что мы имеем право знать? Вам не кажется, что у нас есть право на эту информацию?!

– Все ваши права оговорены в контракте...

– Да я говорю не о законе, я говорю о том, что правильно и честно! Как вы можете так – зная правду, отказывать мне в праве на эту правду! Разве у вас есть на это моральное право? Разве я не заслуживаю того, чтобы узнать эту правду? Вы не можете держать ее при себе – правда вам не принадлежит!

– Мистер Нилссон, пожалуйста, подождите секундочку.

Маркус не опускал трубку, пока там была тишина, он, кажется, забыл о том, что Кристина находится здесь же, в спальне. Потом телефон щелкнул – миссис Демипетто вернулась на линию.

– Мистер Нилссон, я вынуждена закончить наш разговор. Как вам, должно быть, известно, Хоумстед входит в Fertility Assurance Associates, и я могу перезвонить вам завтра во время рабочего дня...

– Нет, не вешайте трубку! Я хочу поговорить обо всем немедленно, сейчас. Я не хочу...

– Простите. У меня есть обязанности – и я должна к ним вернуться. Еще раз заверяю вас, что мы учтем все ваши пожелания и кто-нибудь обязательно свяжется с вами в ближайшее время.

– Вам что, запретили со мной говорить?

– Простите, мистер Нилссон, мне нужно идти. Спасибо за ваш звонок, завтра вам перезвонят. До свидания.

Маркус повесил трубку и закусил губу чуть не до крови.

– Я звоню доктору. Мне нужно докопаться до сути, раз и навсегда!

Кристина слабо кивнула, сердце у нее колотилось, а Маркус уже искал в контактах телефон доктора Давидоу.

– Привет, доктор Давидоу, это Маркус Нилссон, Кристина на громкой связи.

– Здравствуйте, Маркус, Кристина, еще раз привет.

– Привет, – тихо откликнулась Кристина, отметив, что голос доктора сейчас звучит иначе, чем раньше: если в прошлый раз он говорил приветливо и заинтересованно, то сейчас в голосе отчетливо слышались тревога и напряжение.

– Доктор Давидоу, я знаю, что вы говорили сегодня по поводу донора 3319 с Кристиной. И знаю, что остальные образцы его спермы убрали из доступа. Вам об этом известно?

– Да, я разговаривал с Ли Энн из Хоумстеда. Как раз собирался набрать вам...

– И что она вам сказала?

– Она сказала, что они убирают донора 3319 до конца расследования. Я считаю, что с их стороны это будет самым благоразумным в создавшейся ситуации, и она со мной согласилась.

– Так все-таки наш донор это Закари Джефкот?

– Я не знаю, и тот факт, что его убрали из доступа вовсе не означает, что он Джефкот. Хоумстед сделал это на период расследования...

– Док, это он или нет? – Маркус почти кричал, он уже не мог держать себя в руках.

– Они не подтверждают и не опровергают это.

– Со мной то же самое. Вам они тоже не говорят? Но вы же их субподрядчик, ради всего святого!

Доктор Давидоу прочистил горло.

– Я знаю, это трудно понять, но они не раскрывают эту информацию никому, даже мне. У них определенные обязательства перед донором – и они их выполняют.

– Вы действительно не знаете – или просто не хотите знать?!

– Я действительно не знаю. Я их спрашивал – но они не говорят ни да, ни нет.

Кристина вжалась в спинку кровати, заметив, что Мерфи подполз поближе к ней и положил голову ей на бедро. Она положила руку на его теплую, мягкую, шелковистую голову и подумала: неизвестно, кому из нас сейчас это нужнее.

– Доктор Давидоу, они начали это свое расследование уже после разговора с вами, но до того, как убрали его из доступа?

– Этого я не знаю.

– А они убрали его из доступа уже после того, как вы с ними разговаривали?

– Донор 3319 был доступен во время нашего разговора, а мы разговаривали минут пятнадцать или даже полчаса. Я не знаю, когда они убрали 3319 из доступа, но когда я разговаривал с ними – он точно был еще доступен, так что я могу утверждать: таким образом ониотреагировали на мой звонок.

– Разве это не означает, что это он убийца?

– Нет, не означает. Это означает только то, что они начали расследование.

– Да о каком расследовании вообще может идти речь?! У них есть имя этого парня! Для того чтобы заглянуть в файл – нужно всего-то три минуты!

– Нет, Маркус, все не так просто. Я уверен, что файлы доноров защищены паролями, а может быть даже зашифрованы. Далеко не все в Хоумстеде имеют к ним доступ. Так что ничего еще не известно.

– Ладно, это звучит убедительно, – Маркус задумался, потом кивнул.

– Слушайте, я никогда раньше не бывал в такой ситуации – даже в отдаленно похожей. Я беспокоюсь за вас и Кристину и думаю, что вам стоит завтра прийти ко мне, чтобы мы могли все это спокойно обсудить.

– А они позвонят вам, скажут результаты своего «расследования», когда выяснят все?

– Нет, не позвонят. Я их просил об этом – но они отказали.

– Но я ведь имею право знать эту информацию! – Маркус снова начал заводится.

Пес повернул голову и с тревогой посмотрел на хозяина.

– Речь не идет о том, на что у вас есть право. Вопрос в том, что у Хоумстеда все законные основания вам ничего не говорить. Послушайте, я только что разговаривал с Мишель по телефону, думаю, вам обоим не помешает сеанс с ней, часа в четыре нормально?

– Мне не нужны сеансы психотерапевта! Мне нужен ответ. Моя жена, возможно, носит ребенка серийного убийцы!

Кристина при этих словах вздрогнула, как от удара.

Вот Маркус и сказал это вслух – и от этого все стало вдруг таким реальным. Слезы навернулись у нее на глаза. Это реально. Это правда. И теперь с ней все кончено – теперь вообще все кончено. Ее мечты о том, чтобы стать матерью, чтобы они стали родителями, мечты об их новой семье – всему этому пришел конец. Мысли у нее путались. Она вдруг поняла, что Маркус никогда не будет воспринимать этого ребенка как своего, никогда не будет ему настоящим отцом, а будет считать, что отцом ребенка является убийца, маньяк. Но она-то по-прежнему любила этого ребенка, он по-прежнему был *ее* ребенком, только теперь они с ребенком остались совсем одни, больше у них никого не было. Она одна будет тянуть лямку.

Маркус и доктор Давидоу продолжали разговор, но голоса их были все дальше и все неразборчивее. Кристина уже не слышала, что они говорили, не чувствовала пальцами теплую голову собаки. Маркус повернулся к ней, на лице его вспыхнула тревога, но она не могла ничего сказать. Комната вокруг нее закружилась, небесно-голубые стены и бра, струившие мягкий свет, куда-то исчезли, и она вдруг погрузилась в полную темноту. И больше она ничего не помнила – потому что потеряла сознание.

Когда Кристина вошла в здание школы, в холле кипела бурная деятельность, такая типичная для последнего школьного дня: ассистенты учителей сновали туда и обратно с кипами бумажек в руках, уборщики тащили тележки с какими-то коробками к грузовикам, стоявшим снаружи, а две учительницы из дошколки, Линда Коэн и Мелисса Ди Марко, торопились в свои кабинеты. При виде Кристины они расплылись в улыбке.

– Кристина! – воскликнула Линда. – Вечеринка твоя была просто отпад! Не пропадай, ладно?

– Конечно, спасибо! – Кристина тоже в ответ натянула улыбку, стараясь не подавать виду, что что-то не так. С утра ее опять рвало, но она уговаривала себя, что это просто утреннее недомогание – и больше ничего. Ей просто нужно пережить еще один день.

Мелисса вступила в разговор.

– Удачи тебе! Мы будем скучать.

– И я буду скучать.

Кристина пошла к своему кабинету мимо административного кабинета, где сидела Пэм, которая помахала ей рукой, приглашая зайти, но Кристина только ответила ей приветливым взглядом и продолжила путь. Дойдя до своего кабинета, она открыла дверь и вошла.

– Это ты? – позвала Лорен из смежного кабинета, поднимаясь из-за стола.

– Да! – крикнула в ответ Кристина, уронив на голубой ковролин свою большую сумку, рюкзак и мелочь из кошелька. Она обвела взглядом комнату, не узнавая ее: накануне она уже собрала все свои вещи, и теперь кабинет казался совершенно чужим, несмотря на то, что она отработала тут почти десять лет. Ее стол из коричневого дерева непонятной породы был пустым и безликим без стоящих на нем раньше фотографий Маркуса, Леди и Мерфи, а белые стены выглядели сиротливыми и голыми в отсутствие постера с изображением Элвиса Пресли, читающего книгу с заголовком «Читай!» Полки застелили коричневой бумагой, а доска для записок была девственно чистой и бесстыдно демонстрировала свою пробковую сущность. Кристина не взяла с собой только любимый мотивирующий плакат от Майи Ангелу, на котором было написано: «Если ты всегда будешь стараться быть нормальным – как ты узнаешь, каким потрясающим ты можешь быть?»

– Милая, как ты? – Лорен вышла ей навстречу и заключила ее в объятия, пахнущие свежим цитрусовым кондиционером для волос.

– Я просто не могу в это поверить. – Кристина замерла на некоторое время в ее объятиях. – Просто не могу поверить.

– Расскажи мне. Я так волновалась вчера, когда ты не перезвонила, – Лорен отпустила ее, на лице ее было выражение, полное любви и тревоги. Кудрявые волосы еще не совсем высохли после душа, она собрала их на макушку в пучок, а одета она сегодня была в легкую прозрачную блузку, из-под которой просвечивала ярко-розовая футболка.

– Прости, мне надо было позвонить. Но можешь верить, можешь не верить – а я упала в обморок.

– О господи! – Лорен закрыла рот рукой.

– Да, я понимаю – прямо как королева драмы.

Кристина разгладила подол своего спортивного платья – она знала, что оно будет мятым через пять минут, когда надевала его, но этим утром ей было не до выбора одежды. Душ она

приняла, но даже не стала сушить волосы на затылке.

– Да нет, совсем нет! Давай-ка, присядь.

Лорен выдвинула голубой пластиковый стул, слишком маленький даже для учеников, но Кристина тяжело опустилась на него.

– Потом я плакала, потом мы немножко разговаривали – и я опять плакала, и я так устала и вымоталась, что уснула и спала... всю ночь. – Она сначала хотела сказать «как младенец», но вовремя прикусила язык.

– Так что они сказали? Почему они убрали его из доступа? Это правда он? – В глазах Лорен плескалась тревога.

– Они говорят, что убрали его из доступа на время расследования, что бы это ни значило. Мы больше ничего не знаем – только это. Сегодня у нас назначены встречи с Мишель и доктором Давидоу, после школы.

– Это хорошо.

– Но Хоумстед не собирается ничего говорить ни Давидоу, ни нам – даже если наш донор Джефкот, потому что у них контракт о неразглашении. А мы, подписывая наш контракт, согласились с их условиями.

– Да уж. – Лорен положила локти на стол и чуть наклонилась вперед. – Значит, они вам толком ничего не сказали.

– Именно. И по закону они ничего и не должны нам говорить.

– Давай посмотрим, что там покажет это их расследование. Пока не будет результатов – отчаиваться не стоит. А как Маркус? Как он это воспринимает?

– Я-то ночью отключилась, а вот он, похоже, вообще не спал. Когда я проснулась – он сидел за компьютером.

Кристина взглянула на часы и увидела, что через пятнадцать минут у нее встреча с учеником – первая за сегодняшний долгий и насыщенный день, последний день года.

– И что он делал?

– Не знаю, у нас не было времени поговорить утром. Я только заметила, что он распечатал много листов, а обычно он этого не делает, а еще он позже пошел бегать – а этого с ним тоже никогда не случается.

– Бедняга. – Нижняя губа Лорен сочувственно поджалась.

– Я знаю. – Кристина поднялась и открыла одну из сумок, в которой лежали заготовленные подарки: она приготовила каждому из своих учеников книгу, изогнутую ручку и почтовую карточку, на которой они могли записать свои впечатления от прочитанной книги и отослать карточку ей. Хорошо, что она купила и упаковала подарки на прошлой неделе, потому что вчера вечером у нее точно не осталось бы на это сил.

– Нет. Я тебе потом расскажу, что будет сегодня.

Кристина водрузила сумку с подарками на стол. Она выбрала для каждого из учеников отдельный подарок: Кэл Уотсон, второклассник с заиканием, помешанный на собаках, получал книгу «Смешной пес, солнечный пес», обернутую в бумагу со щенками, Талиэтта Чудхэри, шестиклассница, имеющая проблемы с пониманием текста, но обожающая пиратов, становилась обладательницей «Острова Сокровищ» в черной оберточной бумаге с черепами (книга была для Талиэтты сложновата, но Кристина вложила внутрь записку с кратким содержанием, чтобы той было легче ориентироваться), а Джемме Оглетхорп, первокласснице, которая никак не могла справиться со зрительным узнаванием слов, Кристина купила книгу «Крутой Хомяк Род» и завернула ее в бумагу с цветочными мотивами

– потому что найти бумагу с хомяками, к сожалению, ей не удалось.

Лорен помогала ей вытаскивать подарки из сумки.

– Это так мило с твоей стороны. Ты, наверно, потратила на это целое состояние.

– Да нет, все не так страшно. – Кристина вдруг вспомнила, как в самом начале ее учительской карьеры была поражена тем, сколько учителя тратят собственных денег на своих учеников. Для нее это стало открытием, но она никогда не жалела об этих деньгах, и у нее не было ни одного знакомого учителя, который бы жалел.

– Ну и что ты думаешь по этому поводу? Что будешь делать?

– Вплоть до вчерашнего дня я была совершенно счастлива. Я думала только о ребенке, который живет внутри меня – и вообще не думала об этом доноре. Забыла о нем напрочь. Я и сейчас думаю, что это наш ребенок. Маркуса и мой, – Кристина машинально продолжала вынимать подарки из сумки. – Ну, или по крайней мере – мой ребенок. И не потому, что я «внесла генетический вклад», как они выражаются, – а потому, что он во мне.

– Ну разумеется, именно так все и есть, – Лорен показала на живот Кристины. – Ну, я имею в виду – ты же беременна. Дураку ясно.

– Но мы вдруг как будто вернулись на два месяца назад – мы снова говорим о доноре спермы, о генетическом вкладе, и теперь это выглядит так странно... как будто все рухнуло. Сломалось.

Кристина почувствовала, как глаза у нее становятся мокрыми, но смахнула слезы и продолжила заполнять подарочными пакетами пустую столешницу.

– Но ведь ничего не рухнуло. Пока не рухнуло.

– Если честно – рухнуло. Ты даже не представляешь себе, что сказал Маркус доктору Давидоу вчера вечером, – Кристина замолчала, понимая, что если она сейчас расскажет Лорен, что именно сказал Маркус, Лорен возненавидит его на всю оставшуюся жизнь, как настоящая лучшая подруга.

– И что он сказал?

– Это не важно – он так не думал на самом деле. Ну, то есть думал, но он не хотел сделать мне больно. – Кристина продолжала распаковывать сумку. – Понимаешь... тогда, два месяца назад, когда я вспоминала об этом дурацком доноре – я думала, что беременна от симпатичного студента-медика. А теперь... теперь я беременна от серийного убийцы.

– Что ты такое говоришь?! – Лорен сердито нахмурилась, продолжая помогать ей с подарками.

– Я говорю, что... я теперь не знаю, что там, внутри меня. – Кристина поежилась. – Ребенок с дурной наследственностью? Дурное семя? Как ребенок Розмари? Или «чужой»?

– О, милая, да нет же, – Лорен сжала ее руку. – Ничего подобного. Это твой ребенок.

– А чей еще? Кто его отец? Биологический отец – кто он?

– Да кого волнует, кто у него биологический отец?! – Лорен тряхнула ее за руку. – Это не имеет никакого значения – кто его биологический отец. Ты его мать, и ты будешь прекрасной матерью, и это будет замечательный ребенок...

– Я не знаю. Не знаю, так ли это на самом деле.

Кристина проверила время – до прихода Джеммы оставалось три минуты.

– Знаешь, о чем я думала, пока ехала сюда? О ребенке... о том, что была так рада ему, чувствовала такую связь с ним – а сейчас я как будто далеко от него. Да, он часть меня. Но сейчас я совсем не рада, что он часть меня.

Кристина остановилась на мгновение.

– Если бы я знала, что донор 3319 возможный убийца, больше того – серийный убийца... я бы никогда не связалась с ним. Хоумстед никогда не принял бы его в доноры. Правильно?

– Правильно, – осторожно согласилась Лорен.

– Ну вот, поэтому мы не можем притворяться, что это не имеет значения – это путь в никуда.

– Понятно, – Лорен моргнула.

– Хорошо.

Кристина заканчивала с подарками.

– Можешь себе представить, что будет, когда придет время рассказать ему, кто его отец? «Знаешь, милый, во-первых, твой папочка – это не твой настоящий папочка, а во-вторых, твой биологический папочка – серийный убийца».

– Ты заглядываешь в слишком далекое будущее.

– Я должна. Этот день все равно когда-нибудь настанет. Нам на сеансах терапии объяснили, что мы не должны скрывать, научили, как сказать друзьям, что мы воспользовались донорской спермой, как сказать ребенку об этом. – Кристина перевела дух. – Это может очень сильно повлиять на психику ребенка. И если мы не скажем ему – если он вдруг узнает это как-нибудь сам... представляешь, что с ним будет?

– Ты слишком заморачиваешься...

– Нет, не слишком. К тому времени, как он вырастет, появятся новые технологии. Ты вот читаешь в телефоне программное приложение об уходе за лицом – а у него телефон сам будет ухаживать за его лицом. И у него в телефоне будет куча всяких разных чертовых приложений. Мы просто не сможем сохранить это в тайне.

– Знаешь что... вот что я думаю. – Глаза Лорен вспыхнули решительностью. – Да, ты не стала бы зачинать этого ребенка, если бы все знала – но он уже есть. Да, это не совсем то, что ты ожидала – но разве это не похоже на ситуацию с теми детками, которых ты учишь читать? Ты ведь принимаешь своих учеников, ты их обожаешь – и не имеет значения то, что они не совсем такие, как ожидали их родители?

Кристина задумалась, потом покачала головой:

– Нет, это другое. Дети с особенностями – это просто дети, которым нужно чуть больше внимания и заботы, чем обычным детям. А ребенок серийного убийцы... человека с такой душевной болезнью, которая заставила его стать серийным убийцей – это совсем другое дело. Этот ребенок может никогда не научиться общаться с другими людьми. Или даже хуже – он может получать удовольствие от чужой боли. Он может быть жестоким и беспощадным. Он может вырасти – и начать мучить других людей... убивать. Он может даже нас убить.

Лорен охнула:

– Что?!!

– Лорен, будь реалисткой. Можно подумать, ты никогда не слышала душераздирающих историй о том, как родители запирали собственное дитя в его же комнате, чтобы оно не прикончило их ночью. Как ты думаешь, я смогу спокойно спать, зная, что мой ребенок генетически наполовину серийный убийца?

– Это не передается по наследству! Человек не рождается серийным убийцей.

– Давай не будем вдаваться в технические подробности, ладно? Я все время буду ждать, когда случится что-то плохое, понимаешь? – Кристина почувствовала, что в горле у нее стоит ком. – А даже если я смогу со всем этим смириться, то... ты думаешь, Маркус сможет?

– Это и меня беспокоит. Ему надо как-то это принять.

– Слушай, возможно, я даже смогу полюбить этого ребенка – именно этого ребенка, кем бы ни был его биологический отец. И Маркус тоже был готов это сделать. Но... все изменилось, – Кристина говорила и чувствовала, как все это становится очевидным и реальным по мере того, как она говорит это вслух. Как вчера вечером, когда это делал Маркус. – Он стал другим. Холодным. Мы отделились друг от друга – и с этим уже ничего не поделаешь.

– Думаешь, он не может простить тебе, что ты выбрала донорскую сперму, а не усыновление? Или то, что ты ошиблась с донором?

– Прошу тебя... Нет, я думаю, все иначе – а ты знаешь, я же очень, очень умная – задним числом. Я думаю, что он не может простить себя – за то, что оказался бесплодным. Думаю, он винит себя – потому что если бы не его бесплодие, ничего этого бы не случилось.

– О боже.

– Да. И в нем сейчас проснулись все эти прежние мучительные эмоции и терзания, он сейчас в таком же состоянии, как тогда, когда узнал, что не может иметь детей, – Кристина подняла на Лорен глаза, в которых светились усталость и отчаяние. – Помнишь, когда ему сказали диагноз? Он тогда ушел в свою раковину. И это все равно что жить с черепахой, которая даже голову из своего панциря не высовывает. Нам, возможно, снова понадобится помощь специалиста.

– Ну, если это необходимо – значит, нужно это сделать. Вы, ребята, любите друг друга и должны пройти через это вместе.

– В том-то и дело. Я не чувствую, что он со мной. Его нет рядом. У меня такое чувство, что я одна.

– Милая, нет, ты не одна! У тебя есть я! – Лорен обняла ее за плечи.

– О, спасибо.

Кристина оглядела стол, полностью заставленный нарядными пакетами с подарками – он выглядел так, словно она готовилась к вечеринке, и именно такого эффекта она и добивалась. Как раз в эту секунду раздался стук в дверь и в комнату вошла Джемма. Лорен ушла на встречу с другими учителями, а Кристина начала свой последний рабочий день, хотя Джемма была слишком поражена своей книгой о хомяке и едва могла сосредоточиться на занятии, а под конец призналась, что «хомяки ее больше не интересуют» и теперь она увлечена морскими свинками.

Кристина встречала одного ученика за другим, занималась с каждым, потом вручала каждому подарок, отвечала каждому на вопросы, каждому говорила на прощание добрые слова напутствия и поддержки и обнимала каждого, напоминая о том, что необходимо читать летом. Она знала, что даже в младших классах на каникулы детям и так задают довольно большое домашнее задание, но ее ученики сделали такие большие успехи за этот год, что ей очень не хотелось, чтобы за два месяца они все порастеряли. Ей не важно было, что они будут читать – просто пусть читают. И хотя она больше не будет их учителем – все равно.

Сама Кристина тоже получила подарки – от мам, которые зашли с ней попрощаться, потому что в Натмег Хилл это было принято. И она была очень рада видеть этих мам и искренне им благодарна – даже несмотря на то, что подарки эти наспех были куплены в ближайшем магазине, если не считать домашний банановый хлеб. Она по-настоящему была убеждена, что для нее честь учить их детей, о чем и сказала им со слезами на глазах.

Наконец она попрощалась с Пэм, с другими сотрудниками администрации и учителями,

стараясь не плакать, хотя на душе у нее было очень тяжело и грустно. Никакой другой день не вызывал у нее такого чувства опустошения, как последний день в школе, когда во всех классах ставят стулья вверх ножками на столы, сдвинутые в кучу – она всегда так чувствовала себя в этот день, даже еще когда сама училась в школе. Ее родители оба были преподавателями высшей школы, поэтому она никогда не сомневалась в том, что ее призванием тоже является преподавание – причем она хотела именно учить детей читать, потому что умение читать очень важно для повышения самооценки, для успешности, а кроме того, это просто очень полезный и приятный навык, который остается на всю жизнь. Она была готова к тому, что последний день в школе оставит в ее душе горьковатый осадок, что ей будет тяжело прощаться с коллегами и учениками, которых она искренне любила – но еще вчера ее грела мысль о ребенке внутри нее и об их новой счастливой семейной жизни. А теперь...

«Моя жена, возможно, носит ребенка серийного убийцы!»

В конце дня Кристина вышла из здания школы одна, глубоко задумавшись, опустив голову. Она просто не знала, что теперь думать, чего ждать. Мир, в котором она жила раньше, рухнул, оставив только растерянность и ощущение безнадежности. Все, что было хорошего в ее жизни, осталось в прошлом – а впереди была только неизвестность. Она совершенно не представляла, что ждет ее впереди.

Впрочем, кое-что все-таки представляла: сейчас ей предстояла встреча с мужем и психотерапевтом.

– Здравствуйте, – Кристина вошла в кабинет вместе с Маркусом и встретила приветливую улыбку их терапевта, Мишель Ле Гран.

Мишель было далеко за пятьдесят, даже, пожалуй, ближе к шестидесяти, но выглядела она моложе. Ее ярко-голубые глаза прятались за очками в тяжелой оправе, а одета она была в симпатичную, почти детскую толстовку с изображением черепахи от Лили Пулитцер. Быстро поднявшись, она обняла Кристину. Ее прикосновение было таким знакомым и приятным, что Кристине хотелось оставаться в ее объятиях как можно дольше. Маркус в приемной держался отстраненно, всем своим видом показывая, что очень занят. Они приехали по отдельности, потому что она ехала из школы, а он из офиса. И выглядел он сегодня не так безупречно, как обычно – узел темного шелкового галстука сбилсся немного в сторону под воротником рубашки, надетой под легкий костюм.

– Значит, вы уже слышали.

– Конечно. Я могу себе представить, как тяжело вам обоим – такая угроза вашему счастью, ради которого вы столько выдержали!

– Точно, – Кристина опустила в уютное кресло напротив стола Мишель орехового дерева. По стенам кабинета были развешаны дипломы и свидетельства о наградах, на полках стояли медицинские справочники и пособия. Вообще-то Кристина и Маркус обычно приезжали на сеансы терапии к ней в домашний офис, в ее чудесный дом в стиле Тюдора в Роуэйтоне, и Кристина чувствовала себя там лучше. Здесь она никак не могла отделаться от воспоминаний, как там, внизу, в одном из медицинских кабинетов, ей делали процедуру ЭКО и как один из лаборантов показал ей серый контейнер из дальнего угла кабинета – в этом контейнере в чашке Петри находилась ее яйцеклетка. Этот лаборант тогда еще рассказал ей, что в этих контейнерах хранится порядка четырех сотен эмбрионов и что они, лаборанты, больше всего боятся двух вещей: перепутать эмбрионы и уронить их.

– Спасибо, что пришли. Я рада, что мы можем это обсудить. – Мишель повернулась к Маркусу, протягивая ему руку, но он уже уселся в другое кресло.

– Мишель, я не хочу «обсуждать» ничего до тех пор, пока не выясню одну вещь.

– Какую? – Мишель села напротив него, скрестив ноги, стройные и мускулистые. Лучи послепопуденного, льющегося из окна солнца создавали вокруг нее золотистое сияние.

Маркус спросил:

– Вы ведь готовы говорить о «слоне в комнате»^[5]?

– Да, – с улыбкой ответила Мишель.

– Тогда есть вопрос, на который нужно ответить, прежде чем мы начнем обсуждать наши чувства. Этот серийный убийца – это донор 3319?

– Я понимаю, что вы чувствуете, но, к сожалению, я не знаю ответа на этот вопрос.

– Насколько типично для Хоумстеда так себя вести – не опровергая и не подтверждая что-либо?

– Маркус, сама ситуация совершенно нетипична. Я никогда раньше даже не слышала о таком.

– Это уж точно, – вздохнула Кристина.

Маркус покачал головой.

– Правда? А ведь такое вполне может случиться. Они же не боги – те, кто сдает сперму,

они обычные парни, в большинстве своем — почти дети из колледжа или недавние выпускники. Они — молодые люди. И с ними всякое может случиться, пока они будут взрослеть, криминальное и не только, многое может на них повлиять.

Мишель кивнула.

— Да, это правда. Но на самом деле мы действительно не сталкивались с таким раньше. И сейчас наша задача — понять, каковы наши перспективы теперь, в создавшейся ситуации, с учетом тех фактов, которые стали известны.

— Это невозможно, — фыркнул Маркус в ответ.

— Слава Богу, — одновременно с ним ответила Кристина, но она видела, что Мишель хочет закончить свою мысль.

— Маркус, я понимаю, куда вы клоните. Как большинство моих клиентов, вы привыкли ставить цель и достигать ее. Вы управляете огромной компанией с мультимиллионным доходом, вы успешный генеральный директор. Вы привыкли все контролировать. Вы многого достигли в жизни, вы привыкли всегда добиваться своей цели. Это все правда?

— Да, — ответил Маркус, но поджал губы, и Кристина поняла, о чем он думает. Он всегда считал, что Мишель слишком его «поглаживает», придавая слишком большое внимание тому, что мужское эго было ущемлено бесплодностью. Кристина не критиковала за это Мишель, потому что сама делала то же самое — она старалась ходить перед ним на цыпочках с того момента, как стал известен его диагноз, всегда уступая.

— А эта ситуация бросает вам новый вызов. Вам обоим.

— О да, насчет вызова — это точно, еще какой вызов, — хмыкнул Маркус.

— Кристина, как вы себя чувствуете? — взглянула Мишель на Кристину.

— Я по-настоящему расстроена. Я расстроена из-за себя, из-за ребенка и, конечно, из-за Маркуса.

— И что вас расстраивает больше всего?

— Трудно сказать. Все.

Маркус вмешался:

— Больше всего — то, что никто не может ответить на простейший вопрос!

Мишель не отрывала взгляда от Кристины.

— А вы что скажете?

— Ну, я думаю, прежде всего меня расстроило то, что Хоумстед не хочет сказать нам правду, — Кристина не хотела начинать с этого, но ей хотелось поддержать Марка. — Мы не знаем, что нам делать. Я не знаю, что делать. И ничего особо и не поделаешь.

— Я понимаю ваши чувства, — голос Мишель звучал мягко и сочувственно. — Никто из нас не знает, кто такой 3319. Мы не скрываем от вас информацию — мы просто ею не владеем. Хотя и хотели бы...

— Но вы могли бы ее добыть, — снова вмешался Маркус.

— Почему вы так считаете, Маркус? — спросила Мишель, склонив голову.

— Вы сотрудничаете с Хоумстедом уже давно, вы кучу пациентов туда направили. Вы лично знакомы там со всеми. Доктор Давидоу назвал миссис Демипетто по имени. Просто Ли Энн.

— И что, по вашему мнению, из этого следует?

— Я думаю, вы могли бы на них надавить, чтобы получить для нас эту информацию, — Маркус разрубил воздух указательным пальцем. — Я думаю, вы могли бы сказать им: «Мы больше не пошлем вам ни одного из наших клиентов и не потратим ни одного доллара на

Хоумстед до тех пор, пока Нилссоны не получают ту информацию, которая им нужна!»

– Вы действительно думаете, что я могу это сделать?

– А почему нет? Если не вы – то доктор Давидоу или его начальник, или хозяин вашей клиники.

– Доктор Давидоу и есть хозяин.

– Прекрасно, значит, он. Я всегда делаю все возможное и даже больше для каждого своего клиента – я считаю это единственно правильным и необходимым. Но никто почему-то не делает этого для нас – даже не пытается это сделать!

Кристина съежилась, слыша в его голосе обличительные интонации и, как ни пытался он это скрыть, неподдельную горечь.

Мишель выпрямилась в своем кресле.

– Маркус, а что вы чувствуете по этому поводу?

– А как вы думаете – что я чувствую? И какая разница, что я чувствую?

Кристина разрывалась на части: с одной стороны, она понимала и разделяла его боль, с другой – ей не хотелось обижать Мишель. Она повернулась к Маркусу:

– Дорогой, тебе не кажется, что этот вопрос лучше обсудить с доктором Давидоу?

Мишель послала Кристине легкую полуулыбку.

– Кристина, спасибо, но не стоит меня защищать, – она снова посмотрела на Маркуса: – что ж, мне кажется, наша беседа пошла не совсем в том направлении...

– Да нет, направление самое что ни на есть правильное, я считаю. А если вы хотите знать, что я чувствую – я вам скажу: я зол. Достаточно зол для того, чтобы хоть что-то с этим делать.

Кристина громко сглотнула, но смолчала, так как ей сделали знак не вмешиваться.

– Маркус, мы уже говорили раньше о том, что проблема бесплодия явилась неким вызовом для вашей пары и особенно для вас, потому что вы склонны брать на себя роль лидера, как большинство мужчин. Но эта ситуация из тех, которые вы не можете контролировать.

– Это вы так думаете. А я не собираюсь позволить своей жене пройти через то, через что ей предстоит пройти. И сам не собираюсь через это проходить. И я могу и буду контролировать ситуацию!

Мишель вздохнула, ее загорелые плечи поднялись и снова опустились.

– Пожалуйста, давайте не будем это продолжать.

Мне кажется, мы идем по неверному пути. Может быть, хватит?

– Как вам будет угодно. – Маркус откинулся на спинку своего кресла. – Это ваш автобус. Вы за рулем.

– Маркус, я ваш психотерапевт – ваш и Кристины. И я на вашей стороне.

Кристина почувствовала, как слезы наворачиваются ей на глаза – она понимала, что это правда: Мишель всегда была на их стороне, она всегда им помогала, даже в самые тяжелые для них времена. И вообще клиника «Начало Семьи» сделала ее, Кристину, матерью. Но она не стала говорить этого вслух – не сейчас.

Мишель продолжала:

– Если вы помните, на наших самых первых сеансах мы говорили о том, как важно принять свое бесплодие и смириться с ним. Что вы должны принять ситуацию, в которой оказались, и попытаться найти из нее выход.

– Но разве это «найти выход» не то же самое, что «контролировать»?! – фыркнул

Маркус.

Мишель покачала головой:

– Нет. Это значит принять то, что происходит – и идти дальше. Моя работа – помочь вам понять, обоим по отдельности и как членам пары, от чего вам станет легче, чтобы вы могли двигаться дальше. Как в прошлом вы сообща пришли постепенно к вашему прекрасному решению воспользоваться донорской спермой – так сейчас вы оба имеете возможность пережить потрясающий опыт беременности и получить от этого удовольствие.

Кристина подняла на него глаза.

– Милый, все так и есть. Я просто наслаждаюсь этой беременностью – по крайней мере наслаждалась, пока все это не случилось, – она повернулась к Мишель, – но сейчас... должна признать, я растеряна. И я не могу разобраться в своих чувствах. Я... сбита с толку.

Мишель кивнула.

– Да. И отчасти это потому, что вы не находитесь в одной точке в одно время. Кристина, для вас эта беременность гораздо более настоящая, чем для Маркуса. И это не зависит от новостей, будь они плохими или хорошими. Вы носите этого ребенка и вы сделали генетический вклад в него. И все, что сейчас происходит, вы воспринимаете совсем иначе, чем ваш муж.

Кристина судорожно сглотнула. Мишель озвучивала именно то, что она чувствовала.

Мишель повернулась к Маркусу.

– Раньше, Маркус, вы чувствовали себя как бы в стороне – и это очень объяснимо. Задачей нашей терапии было помочь вам включиться, стать частью этого процесса – и во время беременности вам будет гораздо проще это сделать: вы будете вместе ходить к доктору на осмотры, будете присутствовать на ультразвуковом исследовании, слушать сердцебиение ребенка. Вы будете испытывать одно и то же – оба.

Мишель откинулась назад, обведя рукой их обоих.

– Да, пока вы в разных точках – но постепенно придете к одной точке. А я здесь как раз для того, чтобы вы оба приняли то, что случилось, приняли это как пара – и двигались дальше.

– Но как же мы можем двигаться дальше?! – вырвалось у Кристины.

– Когда мы даже не знаем правды?! – подхватил Маркус.

Мишель посмотрела на них обоих.

– Мы узнаем это когда-нибудь. Ладно, мы не знаем сейчас, является ли 3319 тем человеком, которого вчера арестовали. Но давайте предположим, что является – будем отталкиваться от этого.

– О нет, – простонала Кристина.

Маркус сморщился и отвел взгляд, ничего не говоря.

Мишель подняла кверху наманикюренный указательный палец.

– Подождите. У меня есть помощник. Я пригласила сегодня присоединиться к нам во время этой беседы замечательного специалиста, консультанта по генетике – если вы не будете против. Ее зовут Люси МакКейб. И она приехала сюда, но я не хотела звать ее, не заручившись вашим согласием. Что вы на это скажете?

– Давайте ее сюда. – Маркус подался вперед в мягком кресле. – Думаю, сейчас куда больше смысла в том, чтобы говорить о фактах, а не о чувствах. Я бы с удовольствием побеседовал с генетиком. Я и сам провел некоторые изыскания.

Кристина удивленно взглянула на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Я кое-что почитал в интернете сегодня ночью Мишель кивнула.

– О'кей. Но только Люси не генетик, генетик – это врач, а Люси консультант по генетике, у нее степень магистра. Она оценивает риск передачи наследственных заболеваний ребенку через третье лицо.

Кристина мысленно перевела это на понятный язык: в процедуре искусственного оплодотворения могут участвовать три стороны – донор спермы, донор яйцеклетки и суррогатная мать, которая вынашивает для пары ребенка, при этом не делая в него «генетического вклада».

– Тогда почему вы хотите, чтобы мы с ней поговорили?

– Мы время от времени консультируемся с ней, и я ей полностью доверяю. Она располагает полезной информацией. – Мишель повернулась в Кристине: – А вы хотите, чтобы она пришла? Или, может быть, вы предпочитаете сегодня поговорить без нее, а встретиться с ней потом, отдельно? Кристина?

– Я хочу с ней поговорить. И прямо сейчас – очень хорошо.

– Ну так зачем ждать? – Маркус нетерпеливо махнул в сторону двери. – Зовите ее сюда.

Мишель приподнялась в своем кресле, наклонилась над столом и нажала кнопку вызова на коммуникаторе. В комнате повисло молчание, и Кристина почувствовала неловкость: обычно во время их сеансов они все время разговаривали, и часто им не хватало оговоренного времени, чтобы закончить, а сейчас в кабинете было неприлично тихо и как-то напряженно, поэтому когда раздался стук в дверь, все невольно вздохнули с облегчением.

– Это, наверно, Люси. – Мишель встала и открыла дверь, впуская маленькую, подвижную женщину лет шестидесяти, с пышными седыми волосами и серебряными серьгами-кольцами в ушах, в очках в тонкой металлической оправе. Она была одета в бежевый брючный костюм, который напоминал бы форму медперсонала, если бы не яркий шелковый шарф с цветочным узором, наброшенный поверх него.

– Здравствуйте, Кристина, Маркус, – сказала Люси, улыбаясь и протягивая каждому по очереди руку, затем она уселась в последнее свободное кресло перед столом Мишель. – Спасибо, что пригласили меня на ваш сеанс. Я всегда очень рада консультировать вместе с Мишель. Мы знакомы уже двадцать лет.

– А еще мы вместе ходим пешком, – добавила Мишель. – Люси затащила меня в свой прогулочный клуб – и с тех пор я никак не могу их догнать.

Кристина улыбнулась:

– Вот уж в это верится с трудом.

– И не верьте, – просто ответила Люси, и все три женщины рассмеялись.

Маркус нетерпеливо кашлянул.

Улыбка Люси погасла.

– А теперь, поскольку я уже в курсе вашего случая, может быть, сразу приступим к делу?

– Отлично, – кивнул Маркус.

– Да, пожалуйста, – сказала Кристина. Ей нравилось, как ведет себя Люси.

Консультант сплела тонкие пальцы рук на коленях и заговорила спокойным и уверенным тоном, который внушал доверие и уважение:

– Я так поняла, что Хоумстед не может ни опровергнуть, ни подтвердить ваши опасения и раскрыть личность анонимного донора, поэтому будем рассуждать гипотетически. Можно?

Маркус нахмурился:

– У нас нет другого выбора. Наш вопрос состоит в следующем: если у нашего донора имеется склонность к проявлениям жестокости – может ли это передаваться по наследству? Я читал, что большинство серийных убийц – социопаты. Или искатели острых ощущений. А это передается по наследству?

– Прежде всего – давайте договоримся, – Люси подняла руку, – я не слишком сильна в психологии, но я работаю генетическим консультантом вот уже двадцать девять лет. Главная сложность с психологическими отклонениями – это то, что их нельзя диагностировать при помощи каких-то анализов, ни анализов крови, ни каких-либо других, насколько я понимаю.

– Правда?

– К сожалению, да. Поэтому я не могу опираться ни на какие результаты анализов, отвечая на ваш вопрос. Тем не менее я собрала и проанализировала кое-какие данные по просьбе доктора Давидоу. Буду очень рада поделиться ими с вами, могу выслать их вам по почте. На основе этих данных я сделала определенные выводы, которые могу озвучить прямо сейчас.

– Пожалуйста, будьте так любезны.

– Относительно психологических отклонений нужно понимать главное: что это – врожденная патология или приобретенная в результате неправильного воспитания и условий жизни. На самом деле все зависит от того, какое отклонение мы имеем в виду. Например, исследования указывают на то, что биполярное расстройство может передаваться по наследству, как и шизофрения, и клиническая депрессия. В случае с алкоголизмом, токсикоманией и наркоманией важную роль играют гены матери – это нужно учитывать, выбирая донора яйцеклетки.

– Мы использовали донора спермы, а не донора яйцеклетки.

– Понятно, – Люси кивнула, все с тем же спокойствием:

– Что касается социопатии – большинство авторитетных исследований и работ утверждают, что она не является наследственным фактором. Другими словами – социопатами не рождаются, ими становятся. И это мое заключение.

Кристина облегченно выдохнула. Она сразу вспомнила разговор с Лорен.

– То есть вы говорите, что если даже наш донор – это Джефкот, серийный убийца, наш ребенок не должен унаследовать от него... ну, что там у него есть. Его психологическое отклонение.

– Да. Это мое мнение относительно социопатии, – Люси удовлетворенно кивнула. – И к такому же мнению я пришла относительно склонности к насилию. Я изучила много статей и исследований, и большинство их авторов считают, что она не передается по наследству. Определяющими в данном случае являются факторы окружающей среды – то есть дети, которые растут в семье, где применяется насилие, могут иметь тенденцию к его применению. На примере домашнего насилия это очень четко прослеживается. Это не наследственное – это приобретенное качество.

Мишель улыбнулась:

– Думаю, вы можете немного выдохнуть, да, Кристина?

– Да, – сердце Кристины радостно забилося, – то есть – все это по-прежнему странно, конечно, но хоть какая-то ясность.

– Не для меня, – хмуро заявил Маркус. – Люси, я читал в сети, что существует и другая точка зрения.

– Какая же?

– Утверждают, что склонность к насилию как раз передается по наследству. Я читал о «гене воина» – говорят, что люди, склонные к поиску острых ощущений или постоянному риску, наследуют это качество, что оно заложено у них в генах. И что из них могут вырасти жестокие люди.

Кристина вздрогнула:

– Как ты узнал?

– Я прочитал, могу показать тебе потом статьи, – ответил Маркус, губы его сжались в тонкую упрямую линию. – Отнюдь не все генетики считают, что это приобретенное. Некоторые уверены, что наследственное. У искателей приключений отмечается другой уровень ингибиторов МАО и другой уровень таких гормонов, как тестостерон – и это передается по наследству. Исследования показывают, что такие люди чаще совершают преступления, чем те, у кого этого нет. Другими словами – серийными убийцами все-таки рождаются, а не становятся.

Люси нахмурилась, на ее гладком лбу появились морщины.

– Маркус, Кристина, я сделала свои выводы на основе собственных исследований, наблюдений и опыта. И думаю, на них можно положиться.

– Но ведь есть и другие, кто с вами не согласен? – холодно спросил Маркус.

Люси расцепила пальцы и подняла открытые ладони:

– Можете ли вы найти в Интернете кого-то, кто будет иметь противоположную моей точку зрения? Разумеется. Но это же Интернет – такова его природа. Я бы не стала делать какие-то заключения на основе информации из Интернета.

Маркус подался вперед:

– Но ведь гарантий никаких нет, не так ли? Вы же не можете нам гарантировать, что эти факторы не передадутся по наследству? Не можете?

– Конечно, не могу, – ответила Люси сдержанно. – Никто и никогда вообще не может дать никаких гарантий. Но я оцениваю статистический риск – и он крайне низкий в данном случае.

– Ладно, спасибо вам, – произнесла Кристина, пытаясь не выдать своей растерянности. Ей больше всего на свете хотелось сейчас поверить мнению Люси, и она просто ненавидела Маркуса, который, похоже, задался целью вывести из себя обеих женщин – и Мишель, и Люси. Кристина никак не могла понять, чего он добивается.

– Вы всегда имеете право выслушать и другие мнения, – добавила Люси, взглянув на Мишель. – Мы с Мишель знаем других консультантов по генетике. И будем рады сообщить вам их имена.

– Они тоже сотрудничают с клиникой «Начало Семьи», как и вы?

– Да, – хором ответили Люси и Мишель.

– А у вас есть контакты консультантов по генетике, которые не сотрудничают с клиникой «Начало Семьи»?

Кристина от неловкости не знала, куда себя деть.

– Маркус, ты что? Так нельзя!

– Вполне нормальный вопрос. – Взгляд голубых глаз Маркуса был холоден.

– Понятно, – сказала Люси. – Что ж, я с удовольствием пришлю вам на почту имена моих коллег, которые не сотрудничают с нами.

– Спасибо, – поднял руки Маркус, – так что же следует делать паре в нашей ситуации? Что мы должны делать?

– Это очень индивидуально. И зависит от вас обоих. Я уже сказала, что считаю, что риск в этой ситуации минимальный. Я консультирую разные пары – в том числе и те, у кого риск различных осложнений и отклонений очень высок, и многие решаются все-таки рожать ребенка, несмотря на риски, – Люси сделала паузу. – Например, недавно я консультировала пару, у которой, согласно исследованиям, должен родиться ребенок-анэнцефал, а это означает, что он нежизнеспособен. И они все-таки хотят доносить беременность.

– Подождите... что?! – смущенно спросила Кристина. – Вы о чем вообще говорите?

– О возможности прервать беременность, – ответил Маркус коротко.

– Что?! – Кристина не верила своим ушам. – Ты имеешь в виду аборт?! Да кто вообще здесь думает об аборте? Я не хочу делать аборт.

– Это всего-навсего предположение. Мы говорим о возможности такого решения.

– Нет такой возможности, – отрезала Кристина разъяренно. – Я не собираюсь делать аборт. А ты? Ты хочешь, чтобы я его сделала?!

– Нет, но мы должны обсудить эту возможность.

– А я не хочу ее обсуждать, – Кристина вдруг обратила внимание, что и Мишель и Люси все это время молчали. – Так вот о чем идет речь? Вы думаете, что нам нужно сделать аборт?!

– Нет, – Мишель покачала головой, на лбу у нее образовалась горестная складка, – наоборот, Кристина, я пригласила на наш сеанс Люси, чтобы вы поняли, что риск наследственных отклонений у вашего ребенка очень мал.

Люси кивнула.

– Это правда. Такова цель моего пребывания здесь. Я ни в коем случае не собираюсь подталкивать вас к какому-либо решению, каким бы оно ни было. Я только могу предоставить вам как можно больше информации, чтобы вы сами уже, на ее основе, приняли решение. Свое собственное решение – вы, вместе.

– А что, люди делают аборт, когда происходит что-то в этом роде? – спросила Кристина изумленно.

Люси кивнула.

– У нас были случаи менее запутанные, чем этот – но мы никогда не препятствовали тем, кто принимал решение избавиться от беременности. Некоторые пациенты вынуждены принимать это решение по причинам врожденных патологий у ребенка. Другие прерывают беременность здоровым ребенком по иным причинам. Это совершенно законно – в первом триместре.

– Я сейчас говорю не о том, законно это или нет. – Кристине не хотелось вступать в глобальный спор, но она с трудом владела собой. – То есть я знаю, что это личное дело каждого – и я не хочу избавляться от этого ребенка!

– Здорово, – резко бросил Маркус.

– Да, здорово, и хватит об этом, – ответила Кристина, потрясенная до глубины души. Она вдруг поняла, что Маркус как раз очень даже думал о том, чтобы сделать аборт, но просто не хотел ее расстраивать.

Мишель взглянула на часы.

– Ладно, ребята, доктор Давидоу, наверно, уже освободился, и он хотел встретиться с вами обоими.

– С удовольствием. – Маркус вскочил на ноги и пошел к двери, и Кристина чувствовала, как пропасть между ними становится все шире, она стояла на одной стороне этой пропасти,

а он на другой, словно земля у них под ногами внезапно разверзлась, разрушая их брак.
— И я тоже, — сказала она, вставая на подгибающиеся ноги.

– Я так рада вас видеть. – Кристина сама удивилась, когда при виде доктора Давидоу у нее на глаза навернулись слезы. Она порывисто обняла его.

– И я очень рад вас видеть, Кристина, – доктор Давидоу приветствовал ее широкой приветливой улыбкой. Глаза у него были большие, круглые, теплого коричневого цвета, и они были его главным украшением – может быть, поэтому он при разговоре смотрел прямо в глаза собеседнику. Вокруг глаз уже собрались морщинки, похожие на гусиные лапки, потому что доктору было уже под пятьдесят, а нос-картошка и круглая, лысая голова не слишком его красили. Улыбка, как обычно, не сходила с его лица – даже несмотря на непростые обстоятельства.

– Это все так сложно, – пробормотала Кристина, чтобы как-то уменьшить напряжение, растущее внутри нее. Никак не получалось выкинуть из головы то, что сказал Маркус во время сеанса. Ей оставалось только надеяться, что он не будет говорить об аборте с доктором Давидоу.

– Да уж, могу представить. Как говорит моя дочь – «я вас чувствую». – Доктор Давидоу повернулся к Маркусу, протягивая ему руку. – Мне жаль, что все так усложнилось.

– Мне тоже. – Маркус пожал ему руку более холодно, чем хотелось бы Кристине, потом сел. Она тоже села в одно из кожаных кресел, чувствуя себя в кабинете доктора Давидоу почти как дома. Здесь ей пришлось выслушать самые тяжелые новости о своей жизни, но происходило здесь много и очень хорошего – и даже сейчас, в нынешних обстоятельствах, она по-прежнему доверяла своему врачу. Его кабинет был очень похож на него самого: такой же дружелюбный, неофициальный, хотя и прекрасно обставленный, с бликующим стеклянным столом, совершенно пустым, если не считать нового ноута и фотографий его семьи в матовых стеклянных рамках. Дипломы, награды и сертификаты украшали стены, удостоверяя, что он является одним из ведущих эндокринологов в Коннектикуте, а на полках стояли медицинские справочники, еще семейные фотографии, а также красовался его обожаемый аквариум с тропическими рыбками. Голубоватый свет ламп отражался от поверхности воды, в которой лениво шевелили плавниками ярко-желтые рыбы.

– Как прошла ваша встреча с Люси и Мишель? – Доктор Давидоу обошел вокруг стола и опустился в свое черное кожаное кресло, поправив галстук, который виднелся из-под белого халата, надетого поверх голубой рубашки и слаксов цвета хаки.

– Мне кажется, хорошо, – ответила Кристина, беря инициативу в свои руки: ей не хотелось, чтобы и эта беседа пошла в том же русле, что предыдущая. – Я с облегчением узнала, что те душевные болезни, которые могут сделать кого-то серийным убийцей, не являются наследственными. Думаю, это было действительно полезно.

– Я знал, что так будет, – доктор Давидоу снова улыбнулся, морщины у него на лбу разгладились. Там, где у него должны были бы расти волосы, кожа на голове была розоватая, и Кристина старалась не смотреть туда лишний раз, потому что ей казалось, что это будет ему неприятно.

– Но все же это очень странное чувство – понимать, что наш донор может быть убийцей. Я имею в виду – меня это просто в ужас приводит.

– Разумеется, я это понимаю. – Доктор Давидоу нахмурился. – Я очень хотел бы успокоить вас, выяснив все по поводу личности вашего донора, но это, к сожалению,

оказалось невозможным. Я буду стараться все-таки это сделать, буду добиваться этого от Хоумстеда, но будем реалистами – не думаю, что у меня это получится.

Маркус откашлялся.

– Доктор, я бы не сказал, что разговор с Люси успокоил меня, как мою любимую жену...

– Я не сказала, что успокоилась, Маркус, – перебила его Кристина. – Я сказала, что испытала облегчение. Ты хотел, чтобы мы говорили о фактах – и Люси дала нам эти факты.

– Но эти факты весьма спорные. – Маркус закусил губу и повернулся к доктору Давидоу. – Люси уверена, что психологические расстройства, которые заставляют человека совершить серийные убийства, не передаются по наследству, но мои личные изыскания говорят об обратном. Так что я хотел бы выслушать мнение еще одного специалиста.

Доктор Давидоу согласно мигнул.

– Если вы действительно этого хотите, то это, конечно, ваше право.

Кристина вмешалась:

– Доктор, а вы сами какого мнения придерживаетесь относительно всех этих вопросов наследственности?

– Я знаком со многими генетиками, но Люси очень грамотный и квалифицированный консультант по генетике, настоящий эксперт. Она обладает огромными знаниями, и ее опыт насчитывает несколько десятилетий. Именно поэтому я сотрудничаю с ней, и я ей полностью доверяю, – доктор Давидоу встретился глазами с Кристиной, – мы с ней обсуждали этот вопрос, и она сказала мне, что риск унаследовать какие-то отклонения и расстройства в данном случае близок к нулю. И я считаю, что вы можете полностью положиться на ее мнение.

– Отлично, – Кристина откинулась на спинку своего кресла, – так я и делаю.

– А я нет. Но на это, похоже, всем плевать. – У Маркуса заходили желваки. – Доктор Давидоу, меня не устраивают разговоры о «гипотетических» особенностях моего ребенка. Я отказываюсь смириться с тем фактом, что вы так и не выяснили, является ли донор 3319 Закари Джефкотом.

Кристина поспешила вмешаться:

– Маркус, они ему не скажут. Они связаны контрактом. Ничего нельзя с этим поделать.

Маркус поднял руку, останавливая ее:

– Милая, дай мне самому поговорить с доктором. Я уверен, что есть кое-что, что он может сделать.

– Нет, нет, – стояла на своем Кристина.

– Маркус, что, по-вашему, я могу и должен сделать? – спросил доктор Давидоу примирительным тоном. – Поверьте, если бы был способ добыть информацию у Хоумстеда – я бы использовал его, не задумываясь.

Кристина почувствовала, что вскипает.

– Доктор Давидоу, он считает, что вы можете на них надавить. Он думает, что если вы пригрозите им, что не будете больше посылать им клиентов – они вам скажут. Это так?

– Нет, – доктор Давидоу задумчиво переводил взгляд с Кристины на Маркуса, – это ничего не изменит. Они лучшие в стране, все ведущие клиники сотрудничают с ними. На самом деле у них даже есть лист ожидания. Если я перестану посылать в Хоумстед пациентов – в Хоумстеде этого даже не заметят. Они действуют на законных основаниях и не обязаны нарушать соглашение о неразглашении с вашим донором – да ни с каким донором.

Они дорожат своей репутацией.

– Что ж, если речь пошла о законности – то я тоже кое-что выяснил, – Маркус засунул руку в карман и вытащил сложенный листок бумаги. – Я разговаривал с адвокатом, и у нас появилась идея. Он говорит...

– Какой еще адвокат?! – воскликнула изумленная Кристина. У них не было семейного адвоката, и на работе у Маркуса тоже не было юриста. Кто-то из его товарищей по гольфу вроде бы был юристом, но она не могла прочесть название фирмы на листочке, который держал в руке Маркус.

– Его зовут Гэри Леонардо, у него юридическая фирма в Нью-Хэйвене. Собственная фирма.

Доктор Давидоу кашлянул.

– Я знаю, кто это. Он специализируется на врачебных ошибках.

– Врачебных ошибках?! – Кристина была просто ошеломлена. – Маркус, что ты творишь? Почему ты не сказал ничего об этом мне? Ты собираешься судиться с Хоумстедом?

– Успокойся и дай мне договорить, – ответил Маркус, протягивая бумагу доктору Давидоу. – Доктор, это письмо, которое Гэри составил и хочет отправить в Хоумстед. Если коротко, то там говорится, что они проявили халатность при обследовании донора спермы в нашем случае. Это дает нам основания выдвинуть против них иск, и Гэри говорит, что мы выиграем процесс еще до конца следующей недели.

– Но какой в этом смысл?! – Кристина изо всех сил пыталась понять.

Выражение лица доктора Давидоу изменилось, он побледнел, нервно облизывая губы. Взяв письмо, он положил его перед собой на стол – в мягком свете ламп его обручальное кольцо слегка поблескивало.

– Итак, Маркус, – сказал доктор Давидоу, – давайте начистоту. Гэри Леонардо посоветовал вам подать иск против Хоумстеда, который, кстати сказать, представляет собой очень сильного противника – у него восемнадцать представительств по всей стране, а головной офис находится в Вилмингтоне, в Дэлавере.

– Да. Он говорит, что мы должны подавать иск в Дэлавере согласно нашему контракту. И он не боится связываться с крепкими орешками.

– Маркус! – не выдержала Кристина, но все же постаралась взять себя в руки. – Я понимаю, что ты хочешь как лучше – но тебе все-таки стоило сначала обсудить это со мной! Ты что, серьезно полагаешь, что мы будем судиться с ними за то, что они нам не сказали правду?

– Да. – Маркус повернулся к Кристине, выражение лица у него было решительное и холодное. – Если наш донор действительно серийный убийца, тогда, я считаю, Хоумстед проявил преступную небрежность в его обследовании. И Гэри тоже так считает. Мы оба думаем, что Хоумстеду нужно уделять больше внимания психологическому обследованию потенциальных доноров, нежели волноваться о том, насколько они похожи на Гарри Купера или Колина Фаррелла. Ты не согласна?

– Конечно, хотелось бы, чтобы они знали заранее, но я не понимаю, чем это может помочь нам...

– Гэри говорит, что если отправить им письмо от адвоката, – Маркус ткнул в сторону лежащего перед доктором Давидоу листка бумаги, – в котором написано, что мы обвиняем их в халатности и собираемся сделать эту халатность достоянием общественности – они скажут нам правду.

– Но с какой стати им это делать?!

– Можно будет с ними поторговаться. Это называется «мирное урегулирование» на юридическом языке. Они скажут нам, является ли Закари Джефкот нашим донором – а мы согласимся не предавать это огласке и отзовем иск. – Маркус остановился, глубоко вздохнул. – Никто не будет знать о том, что они проболтались, и их репутация не пострадает. А мы получим ответ.

– Но судиться?! – переспросила Кристина, переваривая информацию. – Мы никогда ни с кем не судились.

– Кристина, на чьей ты стороне? – нахмурился Маркус.

– О господи, Маркус, – Кристина почувствовала, как вспыхнули ее щеки от смущения. Она просто не могла поверить, что они ведут этот разговор на глазах у доктора Давидоу, – ты действительно очень хочешь знать правду, да?

– Разве не ты все это начала?! – возразил Маркус.

– Но я не уверена, что хочу судиться с кем бы то ни было, и ты должен был обсудить это с...

– Так, ребята, тайм-аут. – Мистер Давидоу скрестил руки, как делают футбольные арбитры, но на лице его не было улыбки. Кристина и Маркус замолчали. – Маркус, это серьезный шаг. Очень серьезный – если вы намереваетесь идти до конца.

– Намереваюсь.

Доктор Давидоу нахмурился.

– Мне очень сложно поверить, что такой опытный адвокат, как Гэри Леонардо, посоветовал вам выдвинуть иск против Хоумстеда и не выдвигать иск против «Начала Семьи». – Он слегка втянул щеки, взгляд его стал тяжелым. – Собираетесь ли вы подать иск против нас?

– Я пока не принял окончательного решения, – ответил Маркус сдержанно.

– Что?! – Кристина помертвела. – А могу я вообще высказаться? Маркус, мы не будем судиться с «Началом Семьи»! Я не разрешаю тебе этого делать, запрещаю использовать мое имя!

Маркус повернул голову в ее сторону:

– Милая, ты не совсем правильно воспринимаешь это. Речь не идет о том, чтобы действительно судиться с Хоумстедом или «Началом Семьи», это просто способ еще раз, очень настойчиво, задать им тот вопрос, ответ на который у нас есть полное право знать.

Доктор Давидоу встал из-за своего стола.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, Маркус. Речь идет именно о том, чтобы судиться с нами. Я знаю Гэри Леонардо и знаю, как он работает. Если вы подадите иск против Хоумстеда, «Начало Семьи» автоматически станет соответчиком. А закончиться это может вообще персональным иском против меня.

– Нет, никогда! – воскликнула Кристина. – Вы же не сделали ничего дурного!

Доктор Давидоу, как будто не слыша, подошел к двери и открыл ее.

– Уверен, что мне стоит немедленно связаться со своим адвокатом по судебным ошибкам. Простите, ребята, но наш разговор окончен.

– Что ж, пусть будет так. – Маркус направился к двери быстрым шагом.

– Маркус! Нет! – Кристина вскочила на ноги огушенная. Она только что потеряла Мишель и не хотела потерять и доктора Давидоу. Остановившись на пороге, она обратилась к доктору: – Мы не будем подавать против вас иск, доктор Давидоу.

– Простите, Кристина, мне жаль. – Доктор посторонился, чтобы дать пройти Кристине, и хотел было помахать ей на прощание, но передумал и опустил руку.

– Доктор Давидоу, пожалуйста! Не беспокойтесь! Я с ним поговорю.

– Это в ваших же интересах, Кристина. И я не думаю, что вам с Маркусом стоит возвращаться сюда.

Кристина пробежала через приемную за Маркусом, ловя на себе удивленные взгляды. – Персонал, скорее всего, понял, что что-то не так, потому что обычно Кристина обязательно вежливо прощалась со всеми. Молодые супруги, ожидающие приема, оторвались от своих смартфонов, но быстро опустили глаза: для клиники «Начало Семьи» расстроенные пары были вовсе не редкостью, так же как сердитые, и даже в слезах, но Кристина знала, что никто даже не догадывается о том, что происходит на самом деле. Она бежала за Маркусом до самого выхода, где он придержал ей дверь, потому что был все-таки очень хорошо воспитан и манеры его никуда не девались даже тогда, когда он был в ярости.

– Моя машина ближе, чем твоя, – бросил Маркус, захлопывая дверь, – поедem на моей, а я потом пригоню твою.

– Хорошо. – Кристина едва взглянула на него, проходя через дверь, которая вела в прохладный, стеклянный вестибюль в восточном крыле больницы Pilgrim Point General, построенном только в прошлом году. По просторному холлу сновали посетители, кто-то нес шарики и другие подарки, кто-то ковылял в ходунках, кого-то везли в инвалидной коляске. Кристина и Маркус прошли мимо регистратуры и пошли к выходу. Она не могла дождаться, когда же они останутся наконец наедине, чтобы она могла высказать ему все, что думает.

– Что за черт?! – прошипела она. – Ты о чем вообще думаешь?

– Я хотел бы задать этот вопрос тебе. О чем ТЫ думаешь? – Маркус недовольно покосился в ее сторону, пока они проходили через автоматические двери. Они вышли на улицу – воздух был теплый и влажный.

Мимо них шла пара, которую Кристина видела в клинике, поэтому оба замолчали. Солнце окрасилось в медный цвет, оно плавало в легких июньских облаках, и во внутреннем дворе было полно народу, болтающего, курящего, празднично шатающегося. За двориком находилась парковка «Начала Семьи», и Маркус с Кристиной направились в ту сторону. Обычно они ходили за руку – но не сегодня. Кристина даже не заметила вонючее облако сигаретного дыма, через которое прошла – беременность очень обострила ее обоняние, но сейчас она была слишком сердита, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

– Маркус, ты просто спятил! Я так злюсь на тебя, что даже не знаю, с чего начать! – Кристина не повышала голоса, потому что она никогда не кричала – даже когда они ссорились. У них было два правила: не кричать и не обзывать. Вот почему если она когда-нибудь и называла Маркуса ослиной задницей или придурком – то только мысленно.

– Вот как? Это почему же? – Маркус шел быстрым шагом, не следя, успевает ли она за ним. – Потому что я пытаюсь добиться ответа на наш вопрос? Ответа, зная который мы имеем полное право? Потому что я стараюсь сделать так, как будет лучше для нас?

– Да как же это может быть лучше для нас, если ты только что восстановил против нас тех, кто был нашими друзьями – или кому были друзьями мы?!

– Они нам не друзья, милая. Они профессионалы, которых мы наняли.

– Нет, они больше, чем просто профессионалы. По крайней мере доктор Давидоу. Как и Мишель. – Кристина почувствовала, как у нее защемило в груди при воспоминании об изменившемся выражении лица доктора Давидоу.

– Нет, они не друзья. – Маркус решительно шагнул по парковке по направлению к своей машине. – Если бы они были нашими друзьями – они бы сказали нам то, что мы должны знать. Если бы они были нашими друзьями – они бы поделились с нами информацией, которая по праву наша.

– Но они ничего не знают! Знает только Хоумстед!

– Значит, они должны были ее добыть. Должны были бы горы свернуть, чтобы ее добыть. Потому что именно так поступают друзья. – Маркус покачал головой. – Лорен – это друг. Потому что Лорен на их месте взяла бы телефон и начала звонить в Хоумстед. Потому что Лорен устроила бы им веселую жизнь: она пикетировала бы их здание, не ушла бы оттуда, пока они не сказали бы правду. Так ведут себя друзья. А они ведут себя не как друзья – значит, они не друзья!

– Доктор Давидоу пытался узнать информацию. – Кристина заметила «Ауди» Маркуса в двух машинах впереди. Он занял отличное место. Он всегда занимал самые лучшие места. Это частенько выводило ее из себя – а сегодня она готова была просто убить за это.

– Не так уж усердно он старался это сделать. И я собираюсь заставить его стараться лучше, – глаза Маркуса сверкнули, в них читалась едва сдерживаемая ярость.

– Я не буду подавать на него в суд, Маркус.

– А почему нет? Ты что, не хочешь узнать, кто такой этот наш донор?

– Конечно хочу, но не такой ценой. Боже мой, он практически выгнал нас из своего кабинета! Ты оскорбил его, Маркус! Ты сделал ему очень больно!

– Это он сделал мне больно! Сделал больно нам. Делает больно моей семье.

– Это ОН сделал нас семьей, – не выдержала Кристина, в глубине души зная, что этого говорить нельзя.

– Благодарю за напоминание, – Маркус отвернулся, задрав подбородок и сжав челюсти.

– Маркус, ты же знаешь, я не это имела в виду, – Кристина вдруг почувствовала жуткую усталость и отчаяние, у нее не было ни малейшего желания и сил сейчас тешить его это – слишком неправильно он себя вел. – Мы не смогли бы зачать ребенка без его помощи... И я очень благодарна ему за это. Мы обязаны ему.

– Мы ему заплатили. Вот и все, чем мы были ему обязаны. Ты же его слышала – это его клиника. Он – хозяин. Так что он делает все это ради денег.

– Нет, неправда.

Кристина знала, как искренне радуется доктор Давидоу, когда удастся помочь супругам родить ребенка. Он сам ей об этом говорил, и она видела, как сияли при этом его глаза. Хотя, может быть, конечно, она переносила на него собственное отношение к работе – ведь ей было так тяжело сегодня, когда она выходила из здания школы в последний раз.

– О, прошу тебя. Давидоу имеет куда более серьезное влияние на Хоумстед, чем прикидывается. Он один из ведущих эндокринологов в стране. И если он перестанет посылать клиентов в Хоумстед – неизбежно пойдут разговоры.

– Ты не можешь знать это наверняка.

– Могу. Мне сказал Гэри – а это его епархия, он в этой области эксперт.

– Кто такой этот Гэри, кстати сказать?! Как ты его нашел, этого Гэри?

– Я спросил Брюса. Он знает всех топовых юристов в городе – и он мне помог. Гэри известен – ты же слышала Давидоу. – Маркус изогнул светлую бровь на новый манер. – Иногда нужно действовать жестко, милая. Мы подадим в суд на Давидоу для острастки, чтобы заставить Хоумстед пойти нам навстречу. Я очень рад, что у нас есть адвокат.

– Теперь у нас даже есть адвокат? – Кристина округлила глаза.

Они подошли к «Ауди» и остановились.

– Да, и он нам необходим. Ты знаешь, в чем твоя проблема? – Маркус открыл машину, держа брелок, словно пистолет, перед собой. – Ты хочешь всем нравиться. И ты всем нравишься! Ты хорошая. И благодаря этому ты – прекрасный учитель. Но это не начальная школа, это большой бизнес.

– Ой, вот только не надо меня поучать, – фыркнула Кристина, кипя.

– Я не поучаю. Но речь идет о деньгах. О долларах и центах. Мы должны подать иск – на них обоих. Нужно ударить их по больному – по карману. Это единственный способ получить ответ. – Маркус открыл перед ней дверь пассажирского сиденья, но Кристина не двинулась с места.

– Я не хочу судиться с доктором Давидоу.

– На самом деле не совсем с Давидоу – скорее, с его страховой компанией. Ты же его слышала. Он собирался звонить своему адвокату по врачебным ошибкам. Мы будем судиться не с ним лично.

– А он сказал, что с ним. И я не хочу так с ним поступать. Это же вся его жизнь! У него есть семья...

– Почему ты так заботаешься о его семье, а не о нашей?!

– Это неправильно.

– Нет, правильно. Зачем ты мне связываешь руки? Мы не бессильны. И мы не можем сидеть сложа руки. Почему ты не хочешь судиться?

– Потому что это плохо, а потом это дорого...

Кристина замолчала, потому что на самом деле не очень представляла себе судебный процесс. Единственное, что она знала точно: судиться – это ужасно.

– Я не буду в этом участвовать. Просто не буду.

– Послушай, мы встретимся с Гэри, он тебе все объяснит. Он обещал мне, что найдет для нас время. Завтра, хорошо?

– Но почему бы тебе просто не оставить это на время? На несколько дней? Хоумстед проводит свое расследование, дай им время, и посмотрим, что они будут делать.

Маркус хмыкнул.

– А зачем ждать? Мы можем получить ответ уже на следующей неделе!

– Но у нас нет необходимости бежать впереди паровоза и начинать судиться. Что за спешка?

Маркус замялся, моргнул – и внезапно Кристина поняла, почему он так торопится.

– О... это потому, что ты хочешь отправить меня на аборт?! Не могу поверить... не могу поверить, что ты так сказал! Не могу поверить даже в то, что ты можешь об этом думать!

– Милая, но нам нужно об этом поговорить. – Маркус заглянул ей в глаза и махнул рукой в сторону больницы. – Ты же слышала, что они сказали. Люди прерывают беременность и по менее важным причинам.

– Нет, я этого не сделаю! Как ты вообще смеешь мне такое предлагать?! – Кристина вдруг вспомнила, что на завтра у нее назначено первое УЗИ. Маркус должен был идти вместе с ней, но она не стала ему напоминать. Теперь она не хотела, чтобы он был там с ней.

– Но если бы ребенок был больной – мы бы сделали аборт.

– Это другое!

– Да нет, то же самое. Этот ребенок может быть душевно болен – он может унаследовать

проблемы от своего биологического отца. – Маркус всплеснул руками. – Да посмотри ты на это с другой стороны – нам повезло! Срок еще не такой большой. И мы можем воспользоваться потом услугами другого донора. Начнем все сначала.

– Это не обсуждается.

– Ты можешь забеременеть снова – и очень быстро. Ты же у нас Богиня Плодородия, проблема же во мне!

– У нас уже есть наш ребенок!

Кристина инстинктивно прикрыла живот, словно защищая его.

– Это ребенок серийного убийцы. Ты этого хочешь?! – Глаза Маркуса стали пронзительно голубыми. – Я тебе покажу статьи из медицинских журналов – там написано, как психические расстройства передаются по наследству. Мнение Люси – это всего лишь мнение Люси, а огромное количество экспертов считают по-другому, сама увидишь.

– Даже если бы мне сказали, что это может передаваться по наследству – я бы все равно не согласилась на аборт, нет, не сейчас.

– Да срок ведь меньше двух месяцев! Аборты делают и на более поздних сроках.

– Ну и на здоровье! – саркастически фыркнула Кристина.

– Это не смешно.

– Я знаю. Я хочу этого ребенка!

– Ну а я нет!

Кристина задохнулась от шока. Глаза Маркуса горели, губы были крепко сжаты. Она была уверена, что он и сам не ожидал от себя этого. Они стояли на парковке, лицом к лицу друг к другу, словно в каком-то дурацком семейном кино. Маркус произнес нечто невообразимое, нечто невысказанное – и теперь ничего нельзя было исправить. Она носила ребенка, которого он не хотел.

Кристина развернулась и пошла прочь.

– Детка, не уходи, садись в машину, – позвал у нее за спиной Маркус.

– Нет, – из глаз Кристины хлынули слезы.

– Давай я тебя отвезу.

– Я прогуляюсь.

– Ну хорошо, тогда встретимся дома.

Кристина не ответила. Она не знала, пойдет ли домой. Не знала, куда ей теперь идти. Она была совершенно опустошена, ей не за что было зацепиться. Она потеряла все. Оставила работу, которую любила – зря. Лишилась Мишель и доктора Давидоу. А еще теперь у нее не было надежды на счастливую семью. Слезы катились по ее щекам, пока она шла по направлению к своей машине.

Она постепенно ускоряла шаг и наконец – побежала.

Кристина выехала с больничной парковки на боковую дорогу – потому что Маркус всегда ездил по бульвару. Она смотрела прямо перед собой, вцепившись в руль, из-под солнечных очков по щекам ее катились слезы – в лучших традициях представления под названием «плачущая женщина за рулем». Первый раз она ехала так в старшей школе, после того как ее бросил Майкл Ротенберг, потом – в колледже, когда получила «тройку» по истории Америки. Она знала, что с Лорен тоже такое было – когда она не попала в Пенн. И не раз она видела на дороге других женщин, плачущих за рулем. Их было так много, таких женщин, что впору было присваивать им номерной знак с аббревиатурой «ЖПЗР».

Никогда в жизни Кристине не было так плохо, как сейчас, хотя она все равно сохранила остатки чувства юмора, раз отдавала себе отчет, что в данный момент представляет собой ходячее клише на колесах. Был час пик, и она тащилась с бесконечными остановками за здоровенным грузовиком. Она старалась не смотреть на других водителей, которые писали смски или разговаривали по телефону – сама она никогда не писала за рулем смсок и всегда пользовалась гарнитурой хэндз-фри, поэтому ей все-таки, наверно, было простительно плакать – ее муж только что сказал ей, что не хочет их ребенка. Ребенка серийного убийцы. Ее ребенка. Этого ребенка – каким бы он ни был.

Кристина всхлипнула, потянулась к упаковке салфеток из «Старбакс», взяла одну, вытерла мокрый нос, а потом швырнула ее на пассажирское сиденье, где уже валялась целая куча точно таких же, уже использованных салфеток, говорящих о том, что она самая главная плакса среди всех плакс в мире. Она подумала было о том, чтобы позвонить Лорен, но вспомнила, что та собиралась сегодня вечером отмечать в ресторане окончание учебного года с мужем Джошем и детьми, а времени было уже 18:15. От воспоминания о школе Кристине стало еще хуже, и она потянулась еще за одной салфеткой: то, что она больше не будет работать в школе, расстраивало ее, пожалуй, ничуть не меньше, чем то, что донором спермы для нее оказался серийный убийца.

Грузовик наконец тронулся с места, машины поехали, и Кристина увидела, что на углу улицы находится несколько магазинов и кафе, в том числе ее любимый продуктовый магазин «Тимсон». Желудок ее тут же дал о себе знать нетерпеливым урчанием, и она вдруг поняла, что жутко хочет есть – это был, возможно, самый приятный из симптомов ее беременности: ей всегда было интересно, будет ли она, как другие беременные, испытывать волчий голод во время беременности, и вот выяснилось, что да – она все время хотела есть. Все подряд, любую еду и в любое время.

Вытерев глаза, она подъехала к «Тимсону» и довольно быстро нашла место на магазинной парковке перед массивным зданием магазина с весьма характерным фасадом из какого-то особенного кирпича – это не был «ее Тимсон», но все-таки он выглядел абсолютно так же, как «ее Тимсон», и от этого ей почему-то стало хорошо и спокойно. Она поправила солнечные очки, взяла сумочку и телефон и вошла внутрь магазина, чувствуя, как благотворная кондиционированная прохлада ласкает каждую клеточку ее тела. Осмотревшись в искусственно созданном полумраке, она обнаружила, что и внутри здесь все точно так же, как в «ее Тимсоне», а значит, они готовили еду прямо на месте. Она прошла напрямую к стальным стойкам с готовой едой, взяла большую пластиковую тарелку из высокой стопки и, ведомая собственным носом, тут же нашла остро пахнущую приправами

индийскую еду. Настроение ее на глазах улучшалась, по мере того как она наваливала себе на тарелку целую гору какой-то оранжевой, аппетитно дымящейся бурды, потом она добавила на тарелку кучку картошки-фри и порцию баклажанов с пармезаном, сама себя спрашивая: интересно, в какой вселенной все эти продукты сочетаются между собой? И сама же себе ответила: в Мире Беременных.

Захватив бутылку воды, она расплатилась и понесла свой поднос в зал для взрослых: детской зоны с маленькими стульчиками и столиками и бесконечным мультиком «Лего» по телевизору она избегала, потому что когда-то не могла не думать о том, выпадет ли на ее долю такая удача – стать матерью, как те женщины, которые пихали своим детям в рот картошку-фри в этой самой детской зоне. А теперь, когда она была беременна, это не казалось ей такой уж удачей.

Кристина села за круглый деревянный стол в обеденной зоне, здесь тоже были дети – но это было уже не важно. Она давно уже поняла, что городская жизнь крутится вокруг детей – и отчасти именно поэтому она чувствовала себя такой обделенной из-за своей бездетности: она не могла вступить в это сообщество, не имея детей, стать частью этого мира, где были школы, кружки, футбольные занятия, педиатры, она всегда была немного чужой и немного на отшибе. Кристину везде и всегда окружали дети – дома и на работе, она жила в мире, полном детей – и черт возьми, хрена с два она сделает аборт, что бы там ни говорил Маркус!

Кристина взяла маленькую пластиковую вилку и набросилась на свою индийскую еду, одним глазом кося в плоский экран телевизора на стене, который показывал новости CNN с выключенным звуком. Она сразу вспомнила ВсезнаАла на прощальной вечеринке, но поняла, что сейчас по телевизору идут политические новости, где рассказывают о предстоящих президентских выборах, которые должны были состояться в ноябре. Не отрываясь от своей острой, горячей и вкуснейшей еды, она достала телефон и вошла в сеть, затем набрала в поисковике имя Закари Джефкот, чтобы проверить, есть ли какие-нибудь новости о нем. Пройдя по первой ссылке на экране, она оказалась на сайте CNN со вчерашней заметкой. Быстро пробежав ее глазами, она убедилась, что ничего нового там нет. Вернувшись на страницу Гугла, она нажала на вторую ссылку, где была статья из «Филадельфия Инквайр»: без фото, заметка длиной в один параграф, под названием «Убийца медсестер найден!», автор Уильям Магни. «Закари Джефкот, 24 года, был задержан сегодня по подозрению в убийстве Гейл Робинбrait, 31 год, медсестры в больнице Честербрук. Федеральные и местные власти считают, что Джефкот может быть причастен и к другим убийствам медсестер – в Мэриленде и Вирджинии. Джефкот заключен под стражу в тюрьме Грейтерфорд в Колледжвилле, в отделении для особо опасных преступников».

Вернувшись снова в Гугл, Кристина нажала на третью ссылку, которая привела ее на страничку другой филадельфийской газеты с такой же точно заметкой. Продолжая есть, она бродила по ссылкам, но не нашла никакой новой информации о Джефкоте. Тогда она снова щелкнула по ссылке на «Инквайр», передовица которой оказалась посвящена президентским выборам, и, поняв, что искать бесполезно, уставилась в телевизор, где очередные говорящие головы в очередной раз яростно сражались между собой за голоса избирателей. Она не отрывала взгляда от телевизора, пока ела: телевизор сообщил о бомбардировках на Ближнем Востоке, потом о бомбардировке в Кабуле, а к тому времени, как она покончила с едой, снова вернулся к выборам. Было похоже, что новые события сегодняшнего дня вытеснили новость о Джефкоте и задвинули ее на задний план.

Вдруг у Кристины зазвонил телефон, она взглянула на экран – это был Маркус. Сначала

она не хотела брать трубку, но потом все-таки ответила:

– Алло?

– Привет. Ты едешь домой? – спросил Маркус, но его холодный тон совсем не понравился Кристине. Она поняла, что он и не собирается извиняться или брать свои слова обратно, что он даже не думал об этом. Впрочем, она не очень на это и рассчитывала – не в его это было правилах. Во рту у нее пересохло, поэтому она взяла бутылку с водой и сделала большой глоток.

– Нет. Я заехала перекусить.

– А, понятно. Что ж, мне тут позвонили – я должен вернуться в Рейли. Там какие-то проблемы с сайтом.

– О! – Кристина поняла, что он говорит о главном офисе своей фирмы, расположенном в Северной Каролине.

– Мне нужно быть там завтра утром, так что я уеду сегодня вечером. Они мне забронировали билет на последний рейс. Ты не возражаешь?

– Да нет, отлично. – Кристина и сама слышала, что в голосе ее звучит раздражение, но ничего не могла с этим поделать.

– Нам обоим не помешает остыть.

Кристина фыркнула:

– Вот уж не думаю, что я остыну, Маркус.

– Мы обо всем поговорим, когда я вернусь.

– Что ж, с нетерпением буду ждать. – Кристина сделала еще один глоток из бутылки. Она имела право на сарказм – обстоятельства позволяли. Хотя и понимала, что это не очень-то хорошо.

– Я обдумал то, что ты сказала о судебном иске.

– И ты согласился, что я права?

– Нет, – Маркус помолчал. – Я позвонил Гэри. Он согласен встретиться с тобой завтра утром, в десять часов.

– Я не хочу встречаться с Гэри.

– Я хотел тоже пойти на эту встречу, но потом мне позвонили. Так что иди одна, думаю, тебе следует пойти. Он ответит на все твои вопросы.

– У меня нет никаких вопросов.

– Слушай, я с ним поговорил. Он считает, что нам нет необходимости подавать иск на клинику, все объяснит тебе, когда ты придешь, – голос Маркуса немного смягчился: – Я очень прошу тебя сходить на эту встречу. А потом, если ты по-прежнему будешь возражать против иска к «Началу Семьи» – мы не станем его подавать. Ладно? Мы не будем судиться с Давидоу, чтобы припугнуть Хоумстед. Но сначала – пожалуйста, собери все факты, чтобы принять верное решение.

Кристина поставила бутылку на стол.

– Хорошо. Я пойду. Но я ничего не обещаю.

– Прекрасно, – Маркус облегченно вздохнул. – Я пришлю тебе адрес смской и скажу ему, чтобы он тебя ждал.

– Когда ты уезжаешь в Рейли? – Кристина решила не напоминать ему про ультразвук – она не хотела, чтобы он был там.

– Я уеду в аэропорт с минуты на минуту. С собакой я погулял, кошку накормил.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Антиэстрогенное средство. Блокирует эстрогеновые рецепторы в гипоталамусе и яичниках, усиливает секрецию гипофизом гонадотропных гормонов (ЛГ, ФСГ), что стимулирует созревание и эндокринную активность фолликула; как следствие – стимулирует овуляцию и повышает концентрацию эстрадиола в крови, поэтому применяется при лечении бесплодия. *Здесь и далее – примеч. пер.*

Федеральная программа финансирования школ с высоким процентом неуспевающих учеников из малообеспеченных семей.

Один из самых дорогих и престижных районов Лондона.

White Anglo-Saxon Protestant – белые протестанты англо-саксонского происхождения.

Слон в комнате (англ. выражения «Elephant in the room»), английская идиома, которая выражает очевидную правду, которую игнорируют либо старательно пытаются не замечать. Это выражение также относится к очевидной проблеме, которую никто не хочет затрагивать. Представьте себе слона, стоящего посреди комнаты, которого все время приходится обходить. Все понимают, что слон мешает, но никто ничего не говорит, делая вид, что проблемы нет.